

Людмила
БИРЮК
г. Краснодар

ГВАРДИИ ДЕРЖАВИН

Историческая повесть

Была глубокая ночь, когда Державин и его измученный, покрытый хлопьями пены конь из последних сил брели по безлюдной дороге. Оставаться на ночлег под открытым небом было рискованно: по степи в поисках добычи рыскали не только волки, но и ватаги башкир, калмыков и киргиз-кайсаков. Не менее опасно было попроситься на ночлег в одну из деревенских изб, огни которых мелькали неподалеку: вместо помощи его запросто могли убить или выдать бунтовщикам.

Но, слава богу, вскоре горизонт окрасился розово-золотыми лучами восходящего солнца. Ведя коня под уздцы, Державин вдруг услышал бодрый топот копыт. Из-за холма вынесся кавалерийский отряд, возглавляемый худеньким генералом в треуголке с буклями. Сердце Державина дрогнуло и затрепетало от радости. У него уже не было сил что-либо крикнуть, он просто стоял и ждал посреди дороги, рискуя быть сбитым с ног.

Командир остановил отряд и жестом приказал Державину приблизиться:

– Кто таков?

Тот шагнул ему навстречу, назвал себя и покачнулся, едва удержавшись на ногах.

– Вы ранены? – спросил генерал.

– Никак нет...

– У вас плечо в крови!

– Это не так важно, ваше превосходительство...

Умоляю, выслушайте меня... – он снова пошатнулся, ухватившись за стремя генеральского коня.

– Вам плохо? Сержант, помогите ему!

– Господин генерал... Пугачев с отрядом яицких казаков взял Малыковку. Он гнался за мной, потом отстал. Мне удалось подстрелить его лошадь и уйти...

Больше ему ничего не удалось сказать. Небо вдруг померкло, земля стала дыбом, и он полетел во тьму. Последнее, что он слышал, падая: «Эй, братцы! Отнесите его в санитарную кибитку!»

* * *

Державин очнулся в светлой комнате на походной койке. Солдат, дежуривший возле него, вскочил и воскликнул радостно:

– Слава богу, ваше благородие! Шутка ли? Спали двое суток!

– Где я?

– В саратовском лазарете. Как самочувствие, господин поручик?

– Рука болит...

– Благодарите Бога, что живы! Дозвольте, я за

(Окончание. Начало в №5-6, 2021)

доктором сбегая: велел тотчас позвать, как откроете глаза!

К удивлению Державина, лекарем оказался старый знакомый, Вильгельм Франке, который когда-то пичкал его порошками и микстурами.

Теперь Державин догадался, что нападение на него охранников и спасение его Вацлавом Новаком – всего лишь спектакль, разыгранный коварным полком, чтобы войти в доверие к офицеру Следственной комиссии.

– Я всегда считал Вацлава проходимцем, – ворчал герр Франке, меняя повязку на плече Державина, – и удивлялся, зачем вы приблизили его к себе? Тоже мне, спаситель! Даже не дал мне возможности закончить лечение. Сорвал вас, еще слабого, прямо с больничной койки... Надеюсь, Гавриил Романович, теперь ничего подобного не случится!

– А как я попал к вам?

– Вас доставили санитары из полка генерал-поручика Александра Васильевича Суворова.

При этом имени Державин, который до сих пор стойко переносил болезненную перевязку, невольно охнул.

– Больно? – забеспокоился лекарь. – Рана глубокая, но, надеюсь, скоро заживет.

– При чем тут рана! Доктор, я не ослышался? Значит, это был Суворов?! Почему мне раньше об этом не сказали?

– Mein Gott! (Боже мой! – нем.) Да потому, что вы спали как убитый!

– Суворов... – повторил Державин и вдруг стал подниматься. – Доктор, где мой мундир? Я должен немедленно явиться к генералу и лично поблагодарить за спасение!

Герр Франке досадливо хлопнул себя по коленке.

– Halt still! (Остановитесь! – нем.) Куда вы собрались? Суворов уже далеко, он бросился на поиски Пугачева!

Державин без сил откинул голову на подушку.

– Надеюсь, злодей от него не уйдет! А что слышно о генерал-аншефе Бибикове?

Доктор не ответил, нахмурился и стал озабоченно поправлять только что законченную перевязку. Почуввав неладное, поручик нетерпеливо повторил свой вопрос. Герр Франке тяжело вздохнул и долго тянул паузу.

– Вынужден сообщить вам скорбную весть... Александр Ильич неделю назад скончался.

Державин вздрогнул и застыл, глядя на врача, словно не понимая смысла услышанных слов. Франке сочувственно развел руками.

– Простите, Гавриил Романович, но генерал-аншеф страдал от неизлечимой болезни сердца. Я сам присутствовал на консилиуме. Ничего нельзя

было сделать. Он был, как мы, медики, говорим: «Spirans cadaver»: дышащий труп.

– Да нет же! – в отчаянии воскликнул Державин. – У него, наверное, кончилось лекарство! Оно ему всегда помогало! Я сам видел, как он принимал какие-то порошки...

Врач печально покачал головой.

– К сожалению, никакое лекарство уже не могло ему помочь. Вскрытие показало, что его сердце было изношено настолько, что напоминало ветхую тряпочку.

Державин отвернулся, чтобы скрыть слезы... Бибиков был для него не только командиром, но старшим другом. Несмотря на разницу в возрасте и положении, между ними существовала некая незримая духовная связь. Всегда деловитый и энергичный, всегда дружелюбный и заботливый... Неужели его больше нет?

* * *

Как мучительна эта боль! Наверное, герр Франке слишком туго стянул повязку. Державин машинально делает движение, чтобы снять ее, но, видя испуганные глаза врача, останавливается и со стоном проводит ладонью по глазам.

– Вам дурно? – как сквозь вату доносится до него тревожный голос Франке.

– Сейчас пройдет...

– Я принесу вам успокоительную микстуру.

– Нет, доктор... Принесите лучше перо и бумагу!

* * *

Когда на прикроватном столике появился чернильный прибор, Державин попросил оставить его одного. Боль не отпускала, и ее нужно было поскорей излить на бумагу. Он инстинктивно чувствовал, что только это может ему помочь. Устроившись за столом, он положил перед собой лист бумаги, обмакнул в чернила перо и стал торопливо записывать слова, которые теснились в голове, терзая ее острыми иглами...

Тебя ль оплакивать я должен?

О Бибиков, какой удар!

.....

Едва успел тебя познати,

Уже лишился роком лютым!

Погиб с печали разум мой.

Когда твои доброты вспомню,

Сердечны разверзаю раны...

И вновь терплю твою я смерть...

Он писал левой рукой, коряво и криво, и стихи то-

же получались корявые, словно топором рубленные. В какой-то момент Державин заметил, что пишет без единой рифмы. Остановился, хотел исправить... но понял, что изящные созвучия неуместны в этой оде скорби. Ее погребальный стих был тяжел, но исполнен подлинного чувства.

*Не показать мое искусство,
Я здесь теперь пишу стихи.
И рифм в печальном слоге нет здесь...
Пускай о том и все узнают:
Я сделал мавзолеей сим вечный
Из горьких слов моих тебе.*

Дописав последние строки, Державин почувствовал некоторое успокоение. Боль в душе хоть и не прошла, но слегка утихла. Он перечел свои стихи, не вполне уверенный, что их можно назвать стихами, и сверху поставил: «На смерть генерал-аншефа Бибикова». Пусть нет рифм, пусть неправильные стопы и скопление согласных... Ни единого слова он менять не будет! «Кудряво в горести никто не говорит...» Откуда это? Кажется, из Сумарокова. Державину вдруг вспомнилось, как однажды генерал-аншеф тепло обратился к нему по имени: «Что скажешь об этом, Ганя?»

Тихие слова прошлестели в воздухе, словно принесенные ветром...

Глава 10 Окончание войны

На должность главнокомандующего правительственными войсками был назначен граф Петр Иванович Панин – младший брат императорского канцлера Никиты Панина. Они были очень похожи внешне. Но, в отличие от изворотливого брата-дипломата, Петр слыл грубияном, характер имел тщеславный и своенравный, придворные политесы презирал и был убежден, что добиться успеха можно только решительностью и напором.

Покойного генерал-аншефа Бибикова он не любил, втайне считая соперником в военной карьере. Свое назначение он принял без особой радости – должность досталась ему словно в наследство.

Тем временем Державин покинул лазарет. Рана на руке затянулась, но душевная рана еще долго саднила и ныла. Через несколько дней он получил из Симбирска предписание прибыть к новому командующему, как только будет готов к дальнейшему прохождению службы. Отблагодарив врача, поручик на другой же день выехал в Симбирск, где в то время находился главный штаб правительственных войск.

Дорога заняла не более суток. На почтовых станциях к гвардейскому офицеру все относились с почтением, совсем не так, как в начале войны. Станционные смотрители давали ему лошадей без очереди, а томившиеся в ожидании пассажиры не возражали, понимая, что такова военная необходимость. По этим и по некоторым другим признакам можно было сделать вывод, что в войне наступил перелом и недалеко тот день, когда Поволжье и Урал вернутся к мирной жизни. Многие из тех, кто поначалу сочувствовал самозванцу и верил в его великую миссию освободителя, так натерпелись от его «благоденствий», что теперь мечтали лишь об одном: чтобы освободитель был поскорее пойман и предан суду.

Прибыв в Симбирск, Державин, не теряя времени, явился в штаб к главнокомандующему Петру Панину, готовый получить от него поручения. Дежурный адъютант встретил его в приемной с ледяной вежливостью и тут же скрылся за дверью кабинета. Вернувшись, учтиво предложил подождать минут пять. Державин принял слова «пять минут» дословно и стал прохаживаться у двери, не садясь в предложенное кресло. Но через полчаса ожидания всё-таки сел: голова закружилась, сказывалась слабость от потери крови.

Прошло около часа, прежде чем в кабинете Панина звякнул колокольчик. Адъютант вскочил, рванул к начальнику, и вскоре Державин услышал из-за двери небрежное: «Он еще здесь? Ладно, приму!»

Обида кольнула сердце. Разве он добивался этой аудиенции? Разве явился не по личному приказанию самого Панина? Никогда Бибикив не заставлял его ждать в приемной, всегда принимал радушно, как родного и называл «мой герой»!

Но десять лет солдатчины приучили его скрывать личные чувства и во всем строго следовать артикулу. Так было легче переносить тяготы военной службы и умирять бури душевные.

Войдя в кабинет, Державин увидел двух генералов. Один из них, весьма упитанный, в новеньком мундире при полных регалиях и в тщательно завитом парике, сидел за массивным письменным столом и что-то торопливо строчил, брызгая чернилами. Другой – худощавый, без парика, лысоватый со лба, сидел поодаль в кресле. Державин вскинул руку к треуголке:

– Господа генералы, имею честь прибыть в ваше распоряжение! Гвардии поручик Гавриил Державин!

Тот, кто сидел за столом, нетерпеливо махнул рукой:

– Тише! Не на параде! Пфе... Быстро прискакал, поручик! От Пугачева удирал? Шкуру свою спасал? Молчишь? А ведь я всё знаю про тебя! Ре-

шил стяжать себе славу – Пугачева поймать! Ну и как, поймал?

Не готовый к столь грубому тону, Державин на мгновение опешил.

– Ваше превосходительство! Я и не предполагал ловить Пугачева самолично. Главкомандующий Бибииков лишь поручил мне...

Он замолчал, почувствовав, что упоминание о Бибиикове вызвало неудовольствие начальства.

– Вы, наверное, хотели сказать «покойный главнокомандующий»? Войсками ее императорского величества ныне командуя я, генерал-аншеф Панин! Впрочем, откуда вам это знать, коли вы отсиживали зад в Мальковке?

– Ваше превосходительство! По роду службы я состоял в Следственной комиссии и выполнял личные поручения генерал-аншефа.

Панин саркастически усмехнулся.

– Даже не спрашиваю какие! Отныне сие ведомство переходит под начало Павла Сергеевича Потемкина. Слыхали о таком?

– Верно, кузен Григория Александровича?

Панин не ответил, усмехнулся и обратился к лысому генералу, внимательно слушавшему разговор.

– Заметьте, Иван Иванович, как осведомлены обо всем наши разведчики! – Он помолчал задумчиво, потом снова обратился к Державину:

– Поскольку, поручик, вы обо всем и обо всех наслышаны, то, видимо, должны знать и моего гостя?

Державин никогда не видел этого лысого генерала, которого Панин назвал Иваном Ивановичем... И вдруг в памяти пронеслись слова Бибиикова, произнесенные в Казани в начале войны: «Эх, если бы прислали Ивана Ивановича Михельсона, моего старого друга...»

И он решил рискнуть.

– Разумеется, знаю, ваше превосходительство! Кто же не знает прославленного полководца, генерала Михельсона?

Панин крикнул, как утка, и рассмеялся. Раздражение, вызванное появлением Державина, слывшего правой рукой Бибиикова, стало угасать. «И впрямь толковый офицер», – подумал генерал-аншеф.

Он стал прохаживаться по кабинету, потирая лоб, словно обдумывая что-то. Потом остановился и спросил доверительно, понизив голос:

– Послушай, любезный друг мой, раз ты всё и всех знаешь, стало быть, сможешь опознать и Емельку?

Державин вздрогнул. Вот этого он не ожидал услышать! Неужели Пугачев пойман? А Панин продолжил насмешливо:

– Ну, чего дрожишь? Или при одном имени злодея струсил? Или харю его не разглядел, пока драпал от него из Мальковки?

Не обращая внимания на хамство и издевательские намеки, Державин думал лишь об одном: кто смог выполнить то, что составляло главную цель его операции? Неужели...

– Суворов! – словно в ответ на его размышления, негромко сказал генерал Михельсон. – Вот кому достанется слава победителя Пугачева...

Панин, сокрушаясь, покивал:

– Слава – дама капризная, Иван Иванович, и часто несправедливая. Кто-то воевал, проливал кровь, окружал и обращал в бегство вражескую армию. А кто-то пришел на готовенькое и без труда захватил лиходея. Но делать нечего, раз поймал – пусть сам и везет Емельку в Москву! – Панин замолчал, недовольно барабанив пальцами по столу, потом через плечо насмешливо бросил Державину: – Тебе, небось, тоже завидно, а, господин разведчик?

Проскользнувшее слово «тоже» наводило на мысль, что Панин сам завидует Суворову, но Державин ответил невозмутимо:

– Никак нет, ваше превосходительство! Самозванец в руках правосудия – вот что главное. А кому именно довелось его поймать, на то воля Божья. Если Господь возложил сие великое дело на Суворова, – значит, счел его достойнее других.

Панин хмуро сверлил глазами Державина, обдумывая, не содержится ли в его словах некоего нравоучения, но, не найдя ничего предосудительного, криво усмехнулся и сердито тряхнул колокольчиком.

– Емельку ко мне! – приказал он вбежавшему адъютанту.

– Слушаюсь, ваше превосходительство!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Все замолчали в томительном ожидании: и агрессивный Панин, и молчаливый Михельсон, и вынужденный обороняться Державин. Так они сидели в ожидании, пока, наконец, в коридоре не раздались грузные шаги, сопровождавшиеся мерным позвякиванием металла: «Дзень... дзень... дзень...»

Шаги приближались, и странный леденящий душу звон становился яснее и громче. У двери на миг всё смолкло. Потом дверь распахнулась, и в кабинет тяжело вошел закованный в кандалы бородатый мужик лет сорока с черными глазами, сверкающими из-под косматых бровей. Державин узнал его сразу. Охранники слегка подтолкнули арестанта в спину, и от их легкого тычка он вдруг рухнул на колени посреди комнаты.

– Что с тобой, Емелька? Здоров ли? – с притворной озабоченностью спросил Панин.

– Ночи не сплю, ваше сиятельство, всё пла-а-ачу! – слезливо протянул Пугачев.

– Ты бы лучше молился! Намедни повезут тебя в Москву. С почетом поедешь, как настоящий

царь. Пфе-пфе... Надеюсь, за всё сполна получишь, по заслугам. Молись и уповай на милость государыни. Допрашивать тебя будем завтра, готовься врать складно. А теперь вон с глаз моих!

Поднимаясь с колен, Пугачев взглянул на поручика и с ухмылкой подмигнул ему как старому знакомому. Державин вдруг подумал, что вся эта сцена была разыграна для того, чтобы унижить его, а вместе с ним и всю Следственную комиссию – детище Бибикова.

Когда пленника увели, Панин спросил Державина, узнал ли тот Пугачева.

– Да, ваше превосходительство. Это он. И поскольку самозванец пойман, моя миссия разведчика потеряла смысл. Смеею просить перевести меня в армию!

Но Панин, холодно выслушав его, велел ехать в Казань, где ему надлежало представиться генерал-майору Павлу Сергеевичу Потемкину, новому начальнику Следственной комиссии, и уже с ним решать все вопросы по службе. Поручик щелкнул каблуками, повернулся и вышел из кабинета.

* * *

Через два дня пути Державин увидел в подозрительную трубу Казань. Его сердце болезненно жалось: после нашествия пугачевского войска город был полностью разорен. Всюду дымились пепелища... Но ветхий домик Фёклы Андреевны чудом уцелел, хотя и был разграблен ордой башкир. Казалось, величественный Богоявленский храм, расположенный рядом, незримо взял под свое крыло скромное жилище вдовы.

Фёкла Андреевна с плачем бросилась к сыну и прижалась к его груди. С болью в сердце Державин заметил, как постарела, поседела и словно уменьшилась в размерах его мать.

В доме было чисто прибрано, но совсем пусто. Ни портретов предков на стенах, ни серебряных столовых приборов, ни бронзовых канделябров, ни старинного клавесина, который Фёкла Андреевна вывезла из Сокур... Идеальная чистота – последнее богатство, которым владела его матушка.

Собрав на стол нехитрую снедь и заварив чаю в чугушке (медный самовар унесли башкиры), Фёкла Андреевна рассказала о том, что ей пришлось пережить.

Слушая матушку, Державин не мог удержать слез. Он и раньше осуждал Пугачева и ни на минуту не сомневался, что своими преступлениями тот поставил себя вне закона. Но сейчас он ненавидел его глубоко личной ненавистью и искренне жалел, что не довелось ему лично взять в плен супостата.

– Не печалься, моя родная, – сказал он с нежностью. – Всё образуется! Ведь я с тобой!

Утром Державин явился к начальнику Следственной комиссии, генерал-майору Павлу Сергеевичу Потемкину. Новый командир лицом был неказист, ростом мал, сложением хрупок и внешне значительно уступал своему знаменитому кузену Григорию, новому фавориту императрицы.

Выслушав рапорт Державина, генерал-майор стал громко сетовать, что Пугачев был доставлен не к нему, а к Петру Панину.

– Почему вы не сказали Суворову, что Емельку следует привезти в Казань?

– Ваше превосходительство, когда я встретил Суворова на дороге, то даже не знал, кто он. Тем более я не мог предположить, что через три дня он захватит самозванца!

– По долгу службы вы должны всё знать, всё уметь, а также читать чужие мысли и предвидеть будущее! Но если у вас нет оных способностей, не обессудьте... какой же вы разведчик?

Державин было оторопел, но потом понял, что Потемкин шутит, и ответил в тон:

– Господин генерал, многие из перечисленных вами талантов у меня есть. Могу, например, сказать, о чем вы сейчас изволите думать и как поступите в дальнейшем.

Глаза Потемкина удивленно округлились.

– Любопытно узнать!

– Вы думаете: «Этот офицер, несомненно, умен и храбр. Надобно повесить ему жалованье!»

Павел Сергеевич поначалу потерял дар речи от такой дерзости, но потом рассмеялся.

– Кажется, я угадал, ваше превосходительство? – спросил Державин.

– Как вам сказать... Я, конечно, не думал об этом, но теперь, после ваших слов, пожалуй, подумаю!

* * *

На службе у Павла Потемкина Державин не получал никаких секретных поручений. Не потому, что тот ему не доверял, а потому, что генерал-майор не вполне понимал, для чего нужна Следственная комиссия, и командовал своими офицерами как обычными строевиками. Державин решил это исправить.

Однажды он рассказал Потемкину о казначее Василии Тишине, который перед самым приходом Пугачева успел вывезти из Малыковки сундук с подотчетными ему деньгами. Что потом стало с казначеем и его семьей, до сих пор неизвестно. Если господину генералу будет угодно послать офицера по особым поручениям в Малыковку, то он может всё разузнать.

– И этот офицер – конечно, вы, господин Державин? – улыбаясь, спросил Потемкин.

– В вашей воле послать кого угодно, ваше превосходительство, но думаю, что справлюсь с поручением лучше других. Мне прекрасно знакомы эти места!

Генерал был явно заинтригован, но отнюдь не судьбой казначей Тишина и его семьи.

– Как вы думаете, поручик, сколько может быть денег в той казне? – оживился он.

Державин объяснил, что, вероятно, малыковских денег там немного, но в сундуке хранится золото староверов, вывезенное из Саратова.

– И всё же... сколько там?

Державин развел руками.

– Не могу знать, ваше превосходительство. Одно могу сказать точно: сундук был очень тяжел. Я сам помогал Тишину грузить его на телегу.

Последний довод решил исход дела. Поутру Державин с небольшим отрядом гусар выехал в Малыковку. Он еще не знал, какая чудовищная трагедия разыгралась в маленьком волжском городке.

* * *

Когда Пугачев с отрядом казаков уходил вниз по Волге, его ближайшие соратники не помышляли о заговоре. Они строили планы пробраться к Каспию, а потом уйти на Украину, к запорожцам. Но на берегу Большого Узеня словно черт из табакерки вдруг снова появился Вацлав Новак. Тайком от Пугачева он поведал казачьим старшинам, что война окончена, бунтовщики арестованы и подвергаются жестоким допросам. Их ждет лютая смерть или в лучшем случае пожизненная каторга с клеймением. Есть лишь один способ избежать казни. Какой? А пусть папоне сами подумают...

Старшины думали недолго. Той же ночью они набросились на спящего атамана, связали его по рукам и ногам, воткнули в рот кляп и отвезли коменданту Яицкого городка. Как раз в то время туда и прибыл со своим полком Суворов...

Сам Вацлав в захвате Пугачева участия не принимал, а поскакал в Малыковку, так как его тоже весьма интересовал сундук казначей Тишина.

Около сотни казаков, оставшихся в Малыковской крепости, беспробудно пьянствовали вместе с ошалевшими от свободы и безнаказанности местными жителями. Гуляли с девками, грабили кабаки, лавки и соляные склады.

Своих маленьких детей Тишины спрятали в крестьянской семье, щедро заплатив, а сами с помощью Серебрякова перебрались на лодке на уединенный остров, где у Ивана были расставле-

ны рыболовные садки. День ушел, чтобы найти подходящее место и зарыть сундук с казной. А потом супруги остались на острове, в рыбацкой хижине, в ожидании, когда мятежники уйдут из Малыковки.

По ночам Иван Серебряков доставлял Тишиным еду и старался в крепости не появляться. До него дошли слухи, что местные мужики грабили, избивали и даже убивали всех зажиточных горожан. Узнал он также и о том, что «царя-батюшку» привел в Малыковку поляк Вацлав, что в неравном бою весь гарнизон вместе с капитаном Кругловым и только Державину чудом удалось вырваться из крепости. Но жив ли он? Смог ли уйти от погони?

Фрося вся извелась и истосковалась по детям. Как они? Небось, горюют и плачут, оттого что отец с матерью их бросили! Стала уговаривать мужа вернуться: мол, только повидаемся с детьми, успокоим их, а потом – снова на остров. Никто ничего не узнает! Тишин наконец сдался... Дождавшись очередного визита Серебрякова, супруги переправились с ним на берег. Но, выбравшись из лодки, они вдруг с ужасом увидели не менее десятка дюжих казаков, во главе которых, подбоченившись, стоял Вацлав Новак собственной персоной.

– А вот и я! – насмешливо сообщил он под хохот казаков. – Рады?

– Что вам угодно? – невозмутимо спросил Тишин, заслонив собой жену.

– Вы меня удивляете, пан Василий. Что мне может быть нужно от вас, кроме денег?

Никакого чуда в появлении Вацлава не было. Вернувшись в Малыковку и не найдя Тишина дома, он здраво рассудил, что казначей мог скрываться у Серебрякова, и отправился к причалу. Теперь, чувствуя за спиной надежный тыл, довольный Вацлав не отказал себе в удовольствии покуражиться над несчастными людьми и с ухмылкой обратился к Ивану Серебрякову:

– Благодарю, мой друг, что рассказал мне, где скрывается беглый казначей. Теперь остается только найти казну!

От подлого навета Серебряков в гневе отшатнулся. – Ложь! Не верь предателю, Василий! Это он привел бунтовщиков, предал Державина и всех нас!

Тишин не ответил. Он даже не взглянул на Серебрякова, а повернулся к Фросе и обнял ее, шепнув: «Не бойся, я с тобой».

Вне себя от бессильного гнева, Иван вцепился было Вацлаву в горло, пытаясь удушить, но казаки оттащили его.

– Связать – и в острог! – задыхаясь, прохрипел поляк. Потом взглянул на Василия и Фросю. – А с вами, милые голубочки, разговор будет особый.

* * *

Ничего этого Державин не знал и, прибыв в Малыковку с эскадроном гусар, уже не застал мятежников. В городе было тоскливо, безлюдно и не убрано, как после лихой попойки. Зачинщики беспорядков разбежались и затаились в домах, как тараканы, когда прознали, кто к ним пожаловал. Обитатели города, крестьяне, лавочники, ремесленники, поддавшиеся смуте, в страхе ждали возмездия и бессовестно доносили друг на друга. Ни казначей Тишина, ни Ивана Серебрякова, ни предателя Вацлава Державин не нашел. Комендант Круглов, как мы знаем, был убит еще во время вторжения Пугачева в крепость, и нашему разведчику ничего не оставалось, как временно назначить комендантом Малыковки себя самого. С помощью гусар он принялся энергично наводить порядок в городке, одновременно производя допросы жителей. Их показания, как стеклышки мозаики, постепенно складывались в отчетливую картину. И страшная правда вставала перед его мысленным взором.

Вот как это было...

* * *

Несколько раз Тишина под охраной казаков переправляла на остров, пытаясь добиться, где спрятана казна. Невысокий ростом и хрупкий сложением казначей оказался крепок духом, словно святой мученик. Он терпел жестокие пытки и издевательства разъяренных охранников, но так и не сказал, где зарыл сундук с деньгами. Не сумев вытащить из него ни слова, Вацлав велел доставить на допрос Ивана Серебрякова, но оказалось, тот уже был мертв: малыковский рыбак повесился в своем каземате, написав кровью на стене: «Не предавал!» И тогда поляк обратил взоры на жену казначея, Фросю. С ней он избрал другую тактику: был ласков, обаятелен, уверял, что никому не желает зла, рассказывал о своем трудном детстве, расспрашивал о ее девичьем прошлом, об отце-матери... Измученная женщина в ответ призналась, что с детства сирота и всё ее утешение в муже и детишках. Упомянув о детях, Фрося в страхе опомнилась, но было уже поздно. Вацлав принялся донимать ее расспросами и, ничего не добившись, велел оповестить горожан о награде тому, кто выдаст, где скрываются дети Тишиных. Доносчики не заставили себя ждать. Ими оказались те самые крестьяне, у которых были спрятаны Аленка и Левушка...

Что было далее, невозможно рассказать в подробностях. Остались лишь записи в протоколе, сохранившемся в архивах Малыковки. В присутствии родителей детей пытали, а потом ударами о стену

размозжили им головы. Затем Фросю на глазах мужа насильовали казаки напротив церковных врат. Не добившись ничего, разъяренная толпа поволокла супругов на причал. Там несчастные были голыми повешены на мачте разбойничьего струга.

Вацлав и его подельники-душегубы еще несколько дней рыскали по острову в поисках спрятанных сокровищ, но так ничего и не нашли.

* * *

Больше всего Державина возмущало, что никто из жителей Малыковки не пришел на помощь семье казначея. Все безоговорочно подчинились бунтовщикам и вероломному поляку. Он вспоминал, с каким упоением мужики встречали Пугачева, как бабы несли хлеб-соль, а звонари били в колокола! Не мог он понять этого униженного стремления холопов угодить новому господину, который ничего им не дал, кроме права воровать и творить злодеяния.

Он поклялся найти и покарать всех виновных: и прямых преступников, и их прихвостней, и тех, кто молчал, когда свершалось убийство невинных людей.

В том, что рано или поздно Вацлав с казаками будут найдены, он не сомневался. А начал с того, что приговорил к казни на виселице пятерых человек. Троиш он приметил еще во время встречи Пугачева. Они громче всех славили самозваного царя, размахивая топорами, и призывали народ вершить разбой и самосуд. Как потом он выяснил на допросах, по их наущению начались в Малыковке погромы, в ходе которых злодеи зарубили несколько десятков человек. Еще двое приговоренных – мужик и баба, которые выдали злодеям детей казначея Тишина. В последний момент баба была помилована – Державин узнал, что у нее пятеро малолетних детей и больная мать на руках.

«Дабы утратить чернь», казнь была обставлена с мрачной торжественностью. На площадь, где были установлены виселицы, гусары согнали всех жителей Малыковки. Приговоренных к смерти обрядили в саваны; меж ними, бормоча слова молитвы, ходил священник и давал целовать крест. Когда правосудие свершилось, началась вторая часть жуткого представления. Державин приказал высечь около двухсот мужиков – всех, кто принимал участие в грабежах и бесчинствах. Палачей не хватало, мужики секли друг друга по очереди. Остальные, стоя на коленях, просили прощения, крича: «Виноваты! Пощадите!»

После расправы над жителями Малыковки за Державиным закрепилась репутация самого жестокого карателя Следственной комиссии. Штабные офицеры не одобряли его действий и язви-

тельно рассказывали, что он вешал людей из «поэтического любопытства». Хлесткая шутка долетела до Петербурга, сослужив поэту плохую службу. Но оправдываться он не собирался. Ведь его осуждали паркетные шаркуны и придворные лизоблюды. А он знал войну не понаслышке и на собственной шкуре испытал, что означает французская поговорка – «а la guerre comme a la guerre» («на войне как на войне» – *фр.*).

В отличие от штабных, строевые офицеры считали, что Державин поступил с мальковцами так, как они того заслуживали, и преподал им хороший урок. А сам Державин думал теперь лишь о том, как захватить и покарать Вацлава Новака, бежавшего с казаками в низовья Волги. Не мог он успокоиться, пока гуляли на свободе те, кто подверг его друзей мученической смерти. Он рыскал по деревням и селам, расспрашивая местных жителей, и велел не убирать виселицы с площади, пока не будут казнены главные преступники. Но случилось так, что сама судьба распорядилась за него.

Однажды к нему в кабинет вбежал его новый ординарец и выпалил с порога:

– Ваше благородие! Казаки поляка повязали!

Державин оторвал голову от бумаг.

– Какого поляка?

– Вацлава Новака!

* * *

Уже всё Поволжье было очищено от бунтовщиков. Императорские войска освобождали города и села, крепостные крестьяне возвращались в разоренные поместья, рабочий люд – в кузницы и мастерские, чиновники – в присутственные места... Пугачев и его главные атаманы были схвачены и доставлены в Москву, и отныне никакой поддержки в народе яицкие казаки не имели. Победенных не любят.

Бежавшим мальковским преступникам скрываться от возмездия становилось всё труднее. И в итоге с паном Вацлавом Новаком произошло то же самое, что и с Емельяном Пугачевым. Посовещавшись, усталые, голодные и злые казаки набросились на своего предводителя и крепко связали веревками. Расчет был прост. Рано или поздно они бы всё равно погибли в лесах либо были пойманы и преданы суду. А так у них появлялся шанс на спасение: ведь они сдались добровольно, да еще и привели предателя-поляка. Какие молодцы!

Отложив перо, Державин надел треуголку, вышел из комендатуры и остановился на крыльце. Во дворе трусливо жались несколько грязных оборванцев, в которых невозможно было узнать

наглых, воинственных бандитов, сопровождавших Пугачева во время штурма Малыковки. Самым жалким среди них был поляк. Он стоял на коленях со связанными за спиной руками, его длинные волосы сбились в грязный клубок, а лицо было черным от кровоподтеков: видно, бывшие соратники немного переусердствовали.

Державин молча оглядел понурых бандитов, ждущих милосердия за «ценный трофей». Так вот какие звери убили Аленку и Левушку, а потом насильовали их мать...

Мелькнула мысль немедленно повесить всю ватагу на тех виселицах, что зловеще стояли на площади. Лицо его окаменело, черные брови сошлись на переносице. Словно угадав его мысли, Вацлав, обливаясь слезами и холодным потом, жалобно запричитал:

– Пощадите, пан Гавриил! Ведь я – ваш спаситель!

«В какое ничтожество превратился этот заносчивый шляхтич, как только дело коснулось его поганой шкуры!» – презрительно подумал Державин.

Он вдруг почувствовал, что страшно устал. Сказывалось огромное напряжение последних дней – нечеловеческая работа по восстановлению Малыковки, следствие, допросы, казни, поиск преступников... Теперь всё позади. Маленький городок под его управлением ожил: работают продуктовые лавки, мастерские, присутственные места... А коварный Вацлав – вот он, у его ног. Но почему-то Державин, еще недавно мечтавший поймав его и жестоко отомстить, теперь испытывал только брезгливость, внутреннее опустошение и непреодолимую усталость.

«Нет, – подумал он, – не я должен вершить судьбу преступников. За свои злодеяния они должны ответить по закону и понести ту кару, которую им назначит военный суд».

Не ответив Вацлаву, он вызвал конвой, велел всех заковать в кандалы и назавтра отправить этапом в Казань. Его распоряжение явно не понравилось казакам, которые ожидали благодарности за свой «подвиг».

– Ваше благородие, помилосердствуйте! Нас-то за что? Мы же по доброй воле сдали вам злодея!

Но Державин, не удостоив их ни единым словом, ушел составлять сопроводительный рапорт начальнику Следственной комиссии, Павлу Сергеевичу Потемкину.

Больше Державин никогда не видел пана Новака. Ему хотелось поскорей забыть о нем, словно о мерзком насекомом, которое тайком заползло под рубаху. И хотя он раздавил его, оно успело укусить его своим ядовитым жалом.

* * *

Между тем Павел Потемкин, получив из Малыковки вместо обещанного сундука с золотом партию грязных арестантов, не на шутку разошелся. А когда прочитал в донесении Державина перечень преступлений Вацлава Новака и мятежных казаков, то ужаснулся, но не поверил. «У поэта явно разыгралось воображение! Наверняка он преувеличил их злодеяния, дабы прикрыть свою нерасторопность», – раздраженно подумал генерал.

Он даже не стал проводить собственное расследование и допрашивать пленных. Казаков велел высечь и отпустить, а Вацлав, как шляхтич, избежал даже этого наказания.

Побеседовав с поляком, генерал был очарован его умом, искренностью, горделивой, но открытой и смелой душой.

– Державин обязан мне жизнью, – доверительно жаловался Вацлав, – и вот какую благодарность я получил от него! Если бы вы, вельможный пан, соглашались взять меня на службу, я бы сумел на деле доказать вам свою верность!

– Но вы, кажется, конфедерат?

– Вернее – патриот! Буду откровенен... Если бы мы встретились на поле боя, я бы дрался с вами насмерть! Но теперь я вижу не врага, а храброго, но слишком доверчивого командира, который безмерно снисходителен к своим подчиненным!

Пылкая речь пана Новака вызвала безотчетную симпатию, но всё же что-то в его тоне заставило генерала насторожиться.

«Если доверчивость – мой недостаток, – подумал он, – то почему я должен верить этому сладкоречивому ляху?»

В тот же день он отправил депешу Петру Панину, спрашивая, как поступить. Ответ не заставил себя ждать. Панин советовал «помнить о международной дипломатии и без надобности не злить поляков, с которыми и без того сложные отношения».

После некоторых колебаний Павел Сергеевич велел оформить Вацлаву подорожный паспорт, отсчитать казенных денег и отправить «патриота» в родную Польшу. От греха подальше...

А сундук с золотом еще долго искали в Малыковке – на острове, в домах Тишина и Серебрякова и даже на другом берегу Волги, но так и не нашли. Старики говорили: «Улетел сундук на небо вместе с душами казначея и его семьи».

* * *

По трясушей дороге на двухколесной арбе, в кандалах, в тесной железной клетке везли Пугачева в Москву...

Главным экспедитором был назначен Александр Васильевич Суворов. Конвоирование оказалось весьма опасной операцией: кому-то очень не хотелось, чтобы пленник был доставлен в Москву живым. На него постоянно совершались покушения: то стрела вдруг просвистит мимо его головы, то в пище окажется ядовитый гриб... Конвой то и дело подвергался набегам киргизов, а ночью случались пожары, во время которых закованный в кандалы «народный заступник» мог запросто сгореть. Суворов ни на минуту не отпустил Пугачева от себя. Днем ехал рядом с клеткой, а по вечерам ужинал с пленником у костра. В эти часы они нередко беседовали. Однажды Пугачев рассказал о том, как ему удалось взять Троицкую крепость. Подробности военной операции так заинтересовали Александра Васильевича, что он, не удержавшись, воскликнул: «Недурно!»

За выдачу атамана казаки-предатели получили от императрицы помилование и были отпущены с благодарностью.

Суворов даже словесной похвалы не удостоился. Видимо, на государыню повлияли депеши завистливых генералов, доставляемые ей с Волги усталыми адъютантами на взмыленных конях. И когда Никита Панин на военном совете заикнулся о том, что Суворов заслуживает ордена, императрица насмешливо сощурилась:

– В таком случае давайте наградим и моего командного шпица Томаса. Его роль в поимке маркиза Пугачева примерно та же, что и Суворова!

Все посмеялись над шуткой ее величества и над неловкостью Панина, а тот, сделав вид, что сконфужен, в душе порадовался:

«Ну, теперь точно орден достанется братишке Петруше».

Он задумчиво почесал подбородок, внимательно слушая донесения с Поволжья. Пухлое лицо канцлера вдруг приняло озабоченное выражение: «Надобно проследить, чтобы Гришка Потемкин не стал хлопотать за своего кузена. Знаю я их! Напористые ребята, из молодых да ранних!»

* * *

Суворов о закулисных интригах ничего не знал. Он был истинным солдатом: служил верно, но не выслуживался, не о наградах думал, а о победах. Он даже не предполагал, что на него обрушатся обиды генералов. Доставив Пугачева в Москву и сдав его начальнику Тайной канцелярии Степану Шишковскому, он на другой же день отправился обратно на Волгу усмирять отряды киргиз-кайсаков и башкир. Всадники храброго Салавата Юлаева сражались отчаянно, но их силы иссякали с каждым днем.

Однажды перед сражением возле реки Караман Суворов встретился с молодым поручиком, которого когда-то подобрал на саратовской военной дороге, измученного и истекающего кровью. Сейчас его трудно было узнать. Крепкий, широкоплечий офицер, с отменной гвардейской выправкой, глядел на него открыто и весело, а за ним выстроился конный отряд таких же, как он, бравых воинов.

– Державин! Ты ли? – воскликнул Суворов.

Поручик, спешившись, радостно бросился к нему.
– Ваше превосходительство!

Порасспросив Державина о здоровье и службе, Суворов сочувственно сказал:

– Скорблю вместе с тобой, дружок, о кончине героя нашего, генерал-аншефа Бибикова. Храбрый и умный полководец был. Один тянул две лямки – главнокомандующего и начальника Следственной комиссии. Теперь вместо него двое назначены, а толку никакого. Ладно, молчу... Ступай, друг мой, даст Бог, увидимся!

Уже слышался гром пушек, к Суворову подскакали ротные командиры. Державин вскочил на коня и помчался на боевые позиции. В тот день его отряду удалось не только обратить в бегство войско противника, но и освободить около тысячи пленных немецких колонистов. Это была самая удачная его военная операция. Когда киргиз-кайсаки отступили, Державин в боевом азарте еще долго гонялся за ними по берегу.

Он хотел было разыскать Суворова, чтобы поговорить с ним о прошедшем сражении, но невольная робость остановила его. «Кто он и кто я? – подумал поручик. – Он, верно, уже забыл обо мне».

Державин ошибся. Суворов о нем не забыл. Докладывая в письме Екатерине о ходе сражения, он написал следующее:

«Довожу до сведения Вашего императорского величества, что господин поручик лейб-гвардии Державин при реке Карамане киргизцев разбил. Сам же господин Державин отрядил сто двадцать человек преследовать противника на Карамане до Иргиза...»

Сводка была сухой и деловой, без литературных украшательств. Суворов не любил без толку марать бумагу. В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе его обучали в основном иностранцы. Ему легче было изъясняться по-французски и по-немецки, но во время баталий рапорты и приказы он писал только по-русски. И сражался он по-русски: бесстрашно, с упоением, восклицая в пылу боя: «Мы – русские! Какой восторг!»

Державин говорил по-немецки так, что колонисты, которых он освободил от киргиз-кайсаков, поначалу приняли его за соотечественника. Детские годы в школе герра Розе наложили отпе-

чаток и на его произведения. Они порой напоминали переводы каких-то иноземных стихов. Державин чувствовал это, огорчился и изо всех сил старался преодолеть «немецкий акцент» в своих сочинениях.

* * *

Неподалеку от немецкой колонии Шафгаузен, куда Державин иногда заезжал за книгами, выселись один за другим семь холмов. Самый высокий из них носил имя Читалагай. Там находился форпост правительственных войск. Державину очень нравилось это татарское название: оно напоминало слово «читай», а потому было связано с книгой. Иногда он поднимался на вершину Читалагая и сочинял стихи – так, как хотелось... Никакие авторитеты не давили на него. Там он был свободен – один между небом и землей. Именно там впервые он почувствовал, что у него есть свой собственный поэтический голос.

*Высокий дух чрез всё высок,
Всегда он тверд, что ни случится:
На запад, юг, полночь*, восток
Готов он в правде ополчиться.
Пускай сам Бог ему грозит,
Хотя в пыли, хоть на престоле,
В благой своей он крепок воле
И в ней по смерть, как холм, стоит.*

Восемь произведений, переводных и оригинальных, вошли в книгу Державина «Читалагайские оды». Но автор пожелал остаться неизвестным и подписался таинственно: «Потомок Атилы, житель реки Ра».

Летом 1776 года, вернувшись с войны, Державин принес свою рукопись в московскую типографию, и вскоре его первая книга вышла в свет тиражом 100 экземпляров. Много лет спустя «Читалагайские оды» будут хвалить критики, особенно – «На знатность», «На великость», «На смерть генерал-аншефа Бибикова». Но тогда, в молодые годы поэта, книга осталась незамеченной.

* полночь – север (старинное слово)

Глава 11 Любовь

Преображенский полк стоял в Москве. Однополчане встретили Державина сдержанно, с вежливым дружелюбием, словно он ненадолго уезжал по служебному поручению. Нельзя сказать, что его не любили товарищи, но в их глазах он всё-таки оставался «ненастоящим» офицером.

Мити Неклюдова в полку не было. Державину объяснили, что его друг вышел в отставку и женился на молодой вдове Нине Удоловой. «Вот так новость! Поделом мне, дураку», – ругнул себя Державин. Но большого огорчения не почувствовал.

Получив жалованье и щедро угостив офицеров, он отправился в дом Блудовых, надеясь своим внезапным появлением удивить родственников. Но неожиданный сюрприз ожидал его самого. Матрена Саввишна бросилась ему на грудь, заливаясь горькими слезами.

– Что случилось, тетушка?

Та не могла выговорить ничего членораздельного, только повторяла рыдая:

– Ох, Ганя... Ванечка, Ванечка-то мой! Ох, да за что мне такое горе?

Державин замер и похолодел, решив, что его кузен умер. Но тетка между всхлипами всё-таки сумела объяснить, что Иван сидит в остроге за неуплату долга.

– Неужели проигрался?

Матрена Саввишна поджала губы.

– Будто ты не играл? А посадили Ванюшу не без твоего участия! Помнишь, как он помог тебе купить имение под Москвой для матушки? Думаешь, ему деньги с неба свалились? Сынок взял кредит в Дворянском банке, и, между прочим, под твое поручительство.

– Но ведь я всё ему отдал, до копейки! У меня и расписки его сохранились!

– Отдать-то отдал... Да только с банком он не расплатился. Видать, снова в карты спустил, паршивец. Ты, племян, сходил бы в ту управу и во всем разобрался. Куда уж мне, старухе!

В Дворянском банке чиновники очень обрадовались приходу Державина, усадили за стол, накрытый зеленым сукном, и положили перед ним старый документ займа на двадцать пять тысяч рублей, подписанный заемщиком, Иваном Блудовым, и Гаврилой Державиным, поручителем.

– Откуда такая сумма?! Он ссудил меня тремя тысячами, которые я ему давно выплатил.

– Вероятно, Блудов вас обманул, Гавриил Романович. Как изволите видеть, кредит оформлен на 25 тысяч. И поскольку заемщик признан банкротом, платить придется вам. Это ваша подпись?

– Моя.

– Ну, и отлично. На время подписания документа вы с матерью владели имением в Сокурах, домом в Казани и имением под Москвой. Если долг не будет погашен, вам придется расстаться с вашим имуществом.

– Возможна ли отсрочка? – спросил Державин.

– Я только что прибыл с Поволжья, сражался с мятежниками, был ранен...

Чиновники переглянулись и пошептались. Начальник обернул к Державину строгое худощавое лицо.

– Все сроки давно вышли. Но, учитывая ваши заслуги перед Отечеством, предлагаем выплачивать долг в рассрочку, в течение года под два процента. Платить можно также и в петербургском отделении нашего банка. Прикажете оформлять договор?

Делать было нечего...

– Извольте.

В счет процентов Державин отдал почти всё жалованье – 500 рублей ассигнациями (в России уже были в ходу бумажные деньги), откланялся и вышел на улицу.

Он не стал объяснять чиновникам, что Сокуры сгорели, дом в Казани разорен, а имение под Москвой – единственный крохотный источник доходов его матери. По собственному легкомыслию он увяз в этой истории, сам и должен из нее выпутываться.

Двадцать пять тысяч! Как он сможет выплатить в срок такие огромные деньги? Где их взять? Поехать в Петербург и попросить займы у Мити? Но после долгой разлуки не мог он появиться перед ним в жалкой роли просителя. Да и вряд ли у Мити были такие деньги.

Оставалась лишь надежда на милость императрицы, которая щедро раздавала награды офицерам, принимавшим участие в подавлении Пугачевского бунта. Знакомые офицеры, члены Следственной комиссии, вернувшиеся с войны, получили крупные вознаграждения. На них буквально сыпались чины, деньги, деревни с крепостными крестьянами... Державин ждал, когда подойдет его черед, ведь его заслуги были намного выше, чем у тех, кто был уже награжден.

Он не подумал о том, что награды давались по представлению начальников, которые таким образом поощряли любимцев и мстили неугодным. Будь жив Бибиков, Державин получил бы всё, что заслужил своей беспорочной службой. Но его новые командиры – Петр Панин и Павел Потемкин, относились к нему со скрытой неприязнью. Своим независимым нравом Державин чем-то напоминал им Бибикова, которого они терпеть не могли.

Время бежало, огромный долг давил на душу, и он решил обратиться за помощью к Григорию По-

темкину, который в ту пору был шефом Преображенского полка. Но как передать прошение? Все многочисленные письма, поступающие в имперскую канцелярию, отправлялись в долгий ящик. А ждать он не мог, потому и отважился вновь на отчаянный поступок, зная по опыту, что иногда дерзость – единственный путь к достижению цели.

Светлейший князь Григорий Александрович в белом атласном шлафроке сидел в своих покоях перед большим венецианским зеркалом и терпеливо ждал, когда француз-парикмахер уложит щипцами его густые непослушные волосы в аккуратные завитки. Он не понимал, зачем каждый вечер должен был подвергаться утомительному причесыванию: всё равно Катишь спутает его локоны, лишь только они останутся наедине. Но приходилось подчиняться этикету.

Громкие голоса за дверью привлекли его внимание. Он прислушался...

– У меня срочное дело к светлейшему! Прошу доложить обо мне!

– Какого рода дело?

– Личного!

Потемкин послал слугу узнать, кто там расшумелся. Едва тот открыл дверь, как в покои ворвался гвардейский поручик и, щелкнув каблуками, замер перед князем. Тот округлил глаза:

– Что с тобой, братец? Заблудился? Звать-то тебя как?

– Поручик Державин!

– Ты, чай, преображенец? А почему я тебя не знаю?

Державин объяснил, что принимал участие в подавлении пугачевского бунта, воевал и только теперь прибыл с Поволжья.

– Где служил?

– В секретной Следственной комиссии под началом генерал-аншефа Бибикова!

Державин произнес это с гордостью, хотя и понимал, что имя Бибикова может ему навредить. Светлейший князь пристально взглянул на офицера, словно ждал, что тот назовет еще и имя его троюродного брата Павла Потемкина, ставшего после смерти Бибикова начальником Следственной комиссии. Но Державин молчал.

– Чего надо? – поморщился князь. – У вас прошение? Так снесите его в канцелярию!

Державин вынул из-за отворота мундира письмо и протянул Потемкину.

– Ваша светлость, здесь перечислены все мои заслуги и мои бедствия. Я обижен перед равными мне! Прошу вашей помощи!

Потемкин по природе был щедр и часто оказывал покровительство тем, кто просил его милости. Но в голосе Державина слышалось нечто, сов-

сем не похожее на смиренную мольбу. Он явно пришел не за милостью, а за справедливостью! Взяв письмо, Потемкин положил его возле зеркала и махнул рукой парикмахеру, чтобы тот продолжал свое дело.

Державин по этикету не мог уйти без повеления князя. Но тот продержал его еще несколько минут, а потом, словно вдруг вспомнив о нем, отпустил небрежным жестом.

Возможно, Потемкин, человек хоть и вспыльчивый, но отходчивый, всё-таки помог бы Державину, если бы снова не вмешалась злая судьба.

В начале 1777 года из Польши прибыл прославленный полководец, генерал Петр Александрович Румянцев, и Потемкин решил показать ему Преображенский полк во всей красе. Как раз были готовы новые мундиры по рисункам самого князя, так что было чем похвастаться. Оба генерала стояли на деревянном помосте перед площадью, по которой гвардейцы, вытягивая носки, проходили церемониальным маршем, показывая всевозможные виды шагистики.

Лучше всех двигался взвод Державина.

– Левый стой! Правый заходи! – раздалась его команда.

И вдруг, вместо того чтобы развернуться, солдаты сбились в кучу. Державин не знал, что за время его отсутствия поменялись не только мундиры, но и военные команды: надо было сказать не «правый заходи», а «вправо заходи».

Потемкин в ярости сжал кулаки, а Румянцев ехидно рассмеялся. За скомканный парад Державина на сутки отправили на гауптвахту. Теперь никакой помощи от светлейшего князя ждать не приходилось...

* * *

В сентябре императорский двор и Преображенский полк вернулись в Санкт-Петербург. Надо было привести себя в порядок, и Державин, пообносившийся на войне, купил новый мундир, сапоги, снял скромную квартиру. Однажды, прифрантившись, он отправился на Литейный переулок, где когда-то оставил в глубокой печали вдову Удолову. В знакомом доме его встретил ошалевший от радости, изрядно растолстевший Митя.

– Мурза!!!

– Митька, шельмец! Эк тебя разнесло!

– А ты усох, как сморчок! Сейчас мы тебя накормим! Это первым делом... Ниночка! Где ты?

И взору Державина явилась Нинон... Она тоже пополнела, но была всё так же хороша. Ее лицо, улыбка были исполнены такой неподдельной радости, что у него защемило сердце. Похоже, ни-

какой обиды за его малодушное скоропостижное бегство она не держала.

– Здравствуйте, Гаврила Романыч!

От волнения у Державина запершило в горле. Но он сумел овладеть собой, учтиво поклонился и поднес к губам ее руку.

– Рад за вас, мои дорогие друзья! Вижу, что вам хорошо вдвоем!

– Втроем! – поправил его Митя.

И словно в подтверждение его слов где-то в глубине дома раздался требовательный крик младенца. Крутые брови Державина поползли вверх.

– Неужто сынок?!

– Дочь, Танюша! – с гордостью сообщил счастливый отец.

Нина ушла кормить дитя, а мужчины уселись в кресла, взяв по бокалу вина с подноса, поданного слугой.

– Как же вы сошлись? – спросил Державин, шутливо погрозив пальцем.

Митя виновато вздохнул и почесал в затылке.

– Когда ты оставил Нину и уехал в Казань, я решил снять у нее квартиру. Моя была дороговата. Ну, об остальном рассказывать не буду, сам всё понимаешь. Признаться, боялся нашей встречи. Думал, что рожу мне набьешь!

Державин сделал страшные глаза:

– Так просто не отделаешься! Дуэль! Я вызываю вас, сударь!

– Согласен! Будем драться на жареных немецких колбасках! Их скоро подадут. Кто больше съест – тот победитель!

Они расхохотались.

Митя стал расспрашивать друга о войне. Тот отвечал скупое, без подробностей, было видно, что воспоминания тяготят его. Вскоре Державин замолчал и с досадой стукнул себя по колену:

– Нет, не могу! Потом... Ты-то как?

Митя расстался с гвардейским полком, потому что не видел никакого толку в бессмысленной муштре. К тому же старая рана не переставала ныть и не было возможности заняться своим здоровьем. Теперь он служил начальником отдела в юридической конторе и был весьма доволен жизнью. Рассказывая о себе, Митя поглядывал на друга и видел, что тот пребывал в глубокой задумчивости, словно какая-то неотвязная мысль не отпускала его.

– Что с тобой?

– Ничего... Ты, Митенька, не обращай внимания. Я слушаю и отдыхаю душой.

Но тот словно почувал неладное.

– Мурза, будь со мной откровенен! Может, тебе нужны деньги? Я помогу, у меня как раз есть свободных три тысячи рублей!

Державин грустно улыбнулся и покачал головой:

– Неужели ты подумал, что я пришел грабить друзей? Нет, дорогой, у меня всё в порядке. Устал немного...

– Ну, тогда за стол! – радостно заключил Митя, увидев, что жена вернулась. – Нам предстоит дуэль на колбасках!

Давно Державину не было так хорошо, как в гостях у Мити и Нины. Они шутили и дурачились, как малые дети. К восторгу хозяев Державин прочел несколько стихов из «Читалагайских од».

– Вас ждет слава великого поэта! – воскликнула Нина.

– Ей еще долго придется ждать, – улыбнулся Державин.

Как ни хотелось ему продлить счастливый вечер, пришло время откланяться. Друзья поперебой уговаривали его остаться ночевать, но он, поблагодарив, отказался. У порога Митя остановил его:

– Как ты будешь добираться? Я кликну извозчика!

– Не беспокойся, моя карета – за углом, – с достоинством соврал Державин.

* * *

Звезды освещали путь. Те самые звезды, которым числа нет, смотрели на него из бездны, у которой нет дна. Глядя на них, он вновь задал себе давно мучивший его вопрос: какой он, Бог? На картинах европейских художников, которые ему случалось видеть в богатых домах, Бог и святые изображались как обычные люди: в печали, в радости, в смерти... Державин восхищался талантом великих мастеров, но не испытывал священного трепета. А вот иконы в православных храмах вызывали у него невольные слезы и желание напрямую обратиться к Богу. Икона – не картина, а символ, часть божественной сущности. Хоровое пение в храмах тоже позволяло почувствовать душой присутствие Бога. Иногда во время литургии он замирал в восторженном умилении...

Но он – поэт, в его арсенале нет ни красок, ни холста, ни звуков музыки. Лишь только слово – его единственный инструмент. И он знал, какая это великая сила! Если Ломоносов сумел словами выразить благоговение перед великим созданием Бога, то Державину хотелось докопаться до сути... Зачем Он создал Вселенную и всех нас? В чем смысл жизни, если всё живое смертно?

В эту минуту он забыл о своих бедах и обидах. Остановился посреди дороги, не замечая ничего, кроме бездонного звездного неба, не испытывая ничего, кроме душевного восторга перед его Создателем.

И вдруг... как будто некая неведомая сила подхватила его и бросила с каменной мостовой на деревянный тротуар! Он упал, ушибся, но остался жив. А мимо на полном ходу пронеслась черная карета.

Потирая правую руку, когда-то раненную пикой Пугачева, Державин поднялся и увидел, что карета, проехав несколько сажен, остановилась. Кучер соскочил с облучка и бросился к нему:

– Вы целы, ваша милость? Слава богу! Идти можете?

– Да, могу.

– Так извольте пройти в экипаж. Барыня просят!

Державин не стал упрямыться и сел в карету напротив нарядно одетой женщины, которая принялась заботливо расспрашивать его о самочувствии. Он благодарил, стараясь в полумраке разглядеть ее лицо. Что-то в ее облике показалось ему знакомым. Где бы он мог ее видеть?

Но дама внезапно воскликнула:

– О Боже! Господин Державин?!

Он всё еще не узнавал... На вид – лет за тридцать, темные волосы, приятный грудной голос.

– Ну, вспоминайте! Петергоф, гауптвахта, камергер Бастидон...

И его вдруг осенило:

– Боже! Мария Дмитриевна Бастидон! Неужели это вы, сударыня? Как поживает Яков Иванович?

Дама в волнении приложила платок к глазам. Потом рассказала, что ее муж пять лет назад умер и живет она теперь с дочерью Катей возле церкви Вознесения. Вот, гостила у родни, а теперь едет домой. И фамилия ее уже не Бастидон, а Бастидонова. Так пожелала императрица.

– Друг мой, – искренне радовалась Мария Дмитриевна, – это чудо, что мы встретились! Но почему вы стояли один на дороге?

– На звезды смотрел, – рассмеялся Державин.

Ему вдруг стало легко на душе. Сколько радостных встреч сегодня! Неужели череда невзгод кончилась и жизнь повернулась к нему светлой стороной?

Он расслабленно откинулся на мягкую спинку сиденья, слушая милое щебетанье Марии Бастидоновой. Сначала пытался поддерживать беседу, но вскоре замолк и заснул.

* * *

Державин проснулся поздно. Первой мыслью было: «Опоздал на дежурство!», но потом вспомнил, что сегодня у него выходной, и снова зарылся в нежную перину. Но сон уже прошел, и он с удивлением ощупал тончайшие простыни, оглядел затейливый балдахин. Где он? Ах да, у Бастидоновой... Вскочив с кровати, он увидел

свои начищенные сапоги, а на кресле – мундир и выстиранную рубаху...

– Ваше благородие! Барыня просят к завтраку! – сообщила из-за двери служанка.

Дом Марии Дмитриевны, небольшой, но уютный и чистый, напомнил Державину его родной дом в Сокурах. В столовой он увидел Марию Дмитриевну. Приветливая улыбка играла на ее губах. Он учтиво поклонился и сел за стол на предложенное место.

– Гавриил Романович, – ворковала хозяйка, – еще раз прошу прощения за вчерашнюю оказию. До сих пор дрожу от мысли, что могло бы произойти...

– Что вы, сударыня! Благодарю судьбу, что это маленькое приключение позволило мне встретиться с вами.

Бастидонова благодарно кивнула.

– Муж часто вспоминал вас... В трудные минуты повторял ваши слова: «Надо жить не прошлым, а будущим».

Державин улыбнулся:

– Пожалуй, сейчас я и сам готов с этим согласиться... Сегодня ты несчастлив, а завтра, быть может...

Он недоговорил. Дверь распахнулась, и взору Державина явилось чудное видение. В столовую вошла прелестная тоненькая девушка в розовом платье, с копной густых черных вьющихся волос, заколотых на затылке.

Заметив Державина, она опустила глаза. Тот встал, но не мог промолвить ни слова.

– Гавриил Романович, это моя дочь Катя! – с гордостью сообщила Бастидонова. – Вы помните ее?

Он застыл в растерянности. Боже! Неужели это та самая кроха, которую он когда-то держал на руках? Невероятно! Перед ним стояла барышня лет семнадцати, прекрасная той особенной красотой, которая еще не ведает о том, что красива.

– Конечно, я помню маленькую Пленуру! – опомнился Державин, стараясь шуткой скрыть волнение. Поклонившись, он галантно подвинул ей стул.

– Прошу прощения за опоздание, – серебряным голоском промолвила Катя. – Читала до поздней ночи, а утром так хотелось спать!

– А что вы читали, Екатерина Яковлевна? – поинтересовался Державин.

– Трагедию господина Хераскова «Венецианская монахиня».

Он невольно усмехнулся. На его взгляд, это было наихудшее произведение знаменитого поэта.

– Почему вы улыбаетесь? – озабоченно спросила Мария Дмитриевна. – Быть может, в этой книжке есть нечто предосудительное?

Державин с улыбкой развел руками:

– О нет! Трагедия написана по классическим канонам. В ней герои жертвуют любовью во имя долга, отправляют на плаху собственных детей, а потом

ради искупления вины выкалывают себе глаза и кончают жизнь самоубийством.

Он говорил это полушутя-полусерьезно, но Бастидонова, охнув, строго устремила глаза на дочь.

– Вот так трагедия! Откуда у тебя сия книга? – с явным неудовольствием спросила она. – Ведь тебе позволено читать лишь то, что рекомендует гувернантка!

Катя вспыхнула, залившись краской. Слезы задрожали на ее длинных черных ресницах. Она с укором взглянула на Державина и, пробормотав: «Простите... С вашего позволения...», выпорхнула из столовой.

Державин был готов провалиться под землю. Идиот! Сам того не желая, подвел бедную девушку, поставил ее в неловкое положение. Он был так огорчен, что не находил слов.

– Полно, не смущайтесь! – спокойно заметила мамаша. – Яков всегда был снисходителен к дочери, а вот я стараюсь следить за ее воспитанием.

Державин поблагодарил хозяйку и немедленно откланялся, сославшись на службу.

* * *

Дома он тоже не мог успокоиться. Чувствовал вину перед Катей и раздумывал, как попросить прощения.

Встретиться с ней он не мог: по всему видно, что держат ее дома в ежовых рукавицах. Послать письмо? Но он не знал, прилично ли молодой барышне получать письма от почти незнакомого мужчины. Передать с посылным букет цветов? Нет, такой поступок можно было расценить как ухаживание.

В конце концов его осенило. Он достал с полки свою книгу «Читалагайские оды» и красиво вывел на титульном листе: «Любезной Екатерине Яковлевне Бастидон с глубоким почтением от сочинителя, Гавриила Державина». В книгу он вложил краткое послание для Марии Дмитриевны, в котором просил позволения сделать маленький подарок ее дочери, дабы загладить свою невольную вину.

Аккуратно завернув книгу в бумагу и перевязав шелковой лентой, он кликнул своего нового слугу Петрушу и велел доставить пакет в дом Бастидоновой, возле церкви Вознесения.

– Скажешь, что Гавриил Романович кланяется и благодарит за прием!

* * *

Служба в Преображенском полку всё больше тяготила его... Среди гвардейских офицеров, богатых прожигателей жизни, он оставался чужаком. Державин написал прошение о переводе из гвар-

дии в армию с повышением в звании. Но начальство хранило молчание. Все офицеры, служившие в Следственной комиссии, уже получили щедрые дары и награды, лишь он оставался ни с чем. За него некому было похлопотать, Григорий Потемкин еще не простил ему курьезный случай на параде.

Пришлось самому обивать пороги кабинетов начальства. Наконец вышел приказ:

«По причине неспособности к военной службе перевести поручика Гавриила Державина из гвардии на гражданскую службу в звании коллежского советника. За участие в подавлении пугачевского бунта пожаловать Державину поместье в 300 душ в Белоруссии, в Себежском уезде».

Награда была весьма скромной по сравнению с тем, что получили другие, менее заслуженные офицеры. Он тут же заложил поместье, надеясь погасить долг в Дворянском банке. Но куда там! Белорусское имение стоило лишь 5000 рублей.

Державин был направлен в Сенат на должность заместителя начальника канцелярии департамента государственных доходов. Новая служба требовала внимания и аккуратности, но эти свойства у него были в крови. Сослуживцы и начальник департамента, генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский, были им весьма довольны. Однако приятели предупредили его, что князь на дух не переносит стихи и вообще все виды искусства: «Если хотите быть с ним в хороших отношениях, не вздумайте сказать ему, что вы поэт!» Но Державин всё-таки умудрился вызвать на себя гнев начальства, хотя и по другому поводу.

В ту пору здание Сената перестраивалось, работа кипела, пахло краской и строительной пылью. Вяземский назначил своего нового чиновника курировать оформление зала общего собрания.

– Смотри, Гавриил Романович, чтоб там всё было чинно-благородно! Без легкомыслия! Поди, не театр!

Державин с увлечением взялся за работу. Познакомился с архитекторами, художниками и ваятелями и даже порой давал им дельные советы. Особенно ему нравился центральный барельеф, изображавший императрицу Екатерину в образе Минервы, которая торжественно вводила богиню Истину в храм Правосудия. Когда всё было готово, Державин пригласил начальника «принять объект». Генерал-прокурор внимательно оглядел картины на стенах, а потом вперил взор в барельеф, расположенный в торце залы, на самом видном месте. Лицо Вяземского, доселе благодушное, вдруг посуровело.

– А это еще кто?!

– В шлеме и латах? Минерва...

– Нет, я про другую!

- Истина, ваше превосходительство.
- А почему она... гм... без одежды?
- Истину принято изображать обнаженной, ваша светлость! Есть даже такое выражение: «голая истина».

Князь с досадой крикнул, подумал, почесал в затылке и изрек:

- Нет, братец... Вели ее немного прикрыть!

Державин улыбнулся. Ему не раз доводилось быть свидетелем того, как в департаменте с ведама Вяземского, а иногда и по его прямому приказу «слегка» прикрывали истину.

* * *

На новой службе Державину платили вдвое больше, чем в полку. Но и расходы теперь у него были немалые. В Сенат полагалось приезжать в своем экипаже, и, кроме того, он должен был снять приличное жилье. Волей-неволей приходилось соответствовать статусу.

Через несколько дней пришло долгожданное письмо от Марии Бастидоновой. В учтивых выражениях она благодарила Державина за присланную книгу и приглашала в гости на обед по случаю Рождества Пресвятой Богородицы. Сердце его затрепетало. Вмиг все житейские неурядицы показались ему ничтожными по сравнению с тем, что он вновь увидит Катю.

Он прибыл к Бастидоновым в новом чиновничьем мундире, в собственной карете, окрыленный самыми радужными надеждами, помолодевший и красивый.

Мария Дмитриевна приняла его радостно, поздравила с новым чином и представила гостям, многие из которых когда-то служили при дворе покойного императора Петра III. Державин оглядывался, ища Катю, но от волнения кружилась голова и всё плыло перед глазами...

Хозяйка пригласила гостей на веранду посмотреть начавшийся Крестный ход. Когда гостиная опустела, он наконец увидел ту, которую искал...

Катя сидела на диване с книгой, казалось, совершенно безучастная к празднику. Чувствуя невольную дрожь, Державин подошел, поздоровался и учтиво попросил позволения сесть рядом. Она подняла на него огромные темные «португальские» глаза и спрятала книгу, прикрыв ее оборками воздушного нежно-сиреневого платья.

– Рада видеть вас, Гавриил Романович. Прошу, присядьте...

Он подвинул кресло и сел напротив. Мило покраснев, Катя стала благодарить его за неожиданный подарок. «Никогда не была знакома с настоящим поэтом», – наивно призналась она.

В гостиной они были одни, другие гости ушли на веранду и, оживленно беседуя, созерцали Крестный ход. Неведомое доселе невыразимое сладостное чувство охватило Державина, оказавшегося рядом с юной девушкой, по-видимому, не менее взволнованной, чем он. Но оба старались не показать своего душевного состояния и любезно улыбались друг другу. Державин рассказал, при каких обстоятельствах впервые увидел маленькую Катюшу, как держал ее на руках и как она не хотела от него уходить. Катя искренно рассмеялась:

– В то время мне было два года!

– А мне – девятнадцать!

Они замолчали, глядя друг на друга, вероятно, мысленно посчитав: теперь 17 и 34.

– Я вдвое старше вас, – с грустью сказал Державин.

– Уже через год этого не будет! – порывисто возразила Катя и прикусила губу. В ее словах прозвучало нечто обнадеживающее, словно она его успокаивала.

Державин был очарован. Как пристал ей этот нежный румянец на щеках! Несмотря на черные волосы и брови, ее кожа была не смуглой, а светлой, с легким бронзовым оттенком. Яркие губы и белоснежные зубки неудержимо манили его, но он не мог позволить себе пристального взгляда. Видно было, что барышня получила хорошее воспитание.

– Что вы читали? – спросил он, желая перевести разговор на другую тему, но, к его удивлению, Катя еще пуще смутилась.

– Так, ничего...

– Простите, ради бога! Однажды я задал тот же вопрос и обрушил на вас гнев матушки. Если б вы знали, как я клял себя за это!

– Что вы, Гавриил Романович! Я давно не сержусь, да к тому же вы были правы: «Венецианская монахиня» – пустое чтение. Есть книги получше!

– Какие, сударыня?

Она не успела ответить, потому что гости стали возвращаться с веранды: Крестный ход, миновав дом Бастидоновых, направился к храму. Подождав, пока все соберутся, Мария Дмитриевна пригласила гостей на праздничный ужин. Державин галантно предложил руку Кате, и та, не сумев скрыть радостной улыбки, отправилась с ним в столовую. На ходу он успел бросить взгляд на диван и увидел оставленную Катей книгу. Это были его «Читалагайские оды»...

После ужина гостей позвали в залу, где три скрипки и старый клавесин наигрывали менуэты и полонезы. Державин сразу признался Кате, что в танцах не силен. Брал когда-то уроки в танцклассе Казанской гимназии, но без практики всё забыл...

«Впрочем, полонез очень напоминает церемониальный марш на параде, – пошутил он. – Рискнем?» Катя радостно подала ему руку.

Полонез – чопорный, но несложный танец. Надо только следить за общим строем и не становиться впереди всех. Именно первая пара ведет остальных то влево, то вправо или разделяет строй кавалеров и дам «прочесом». Державин всё схватывал на лету, вызывая одобрение прекрасной Пленеры, но в какой-то момент после нескольких перестроений они оказались первыми. Не зная, что делать дальше, Державин оглянулся на выстроившиеся за ним пары и, шутя, скомандовал: «Левый стой! Вправо заходи!» Все рассмеялись, полонез смешался, но веселья только прибавилось. Было слышно, как дамы говорили между собой.

– Как он мил, не правда ли?

– О, да! Но кто он?

– Поэт Державин.

– Не слыхала о таком...

«Ничего, еще услышите», – весело думал Державин.

Самое сладостное произошло напоследок... Усталые гости рассаживались по каретам, Мария Дмитриевна разговаривала у подъезда с какой-то дамой. Прощаясь с Катей, Державин учтиво поцеловал ей руку, а потом неожиданно для самого себя вдруг перевернул ее тонкую кисть и запечатлел нежный поцелуй на голубой жилке запястья.

Внешне Катя оставалась спокойной, и безмятежная улыбка всё так же играла на ее губах. Но он почувствовал, что дрогнувшие пальчики вдруг скользнули по его щеке. Быть может, случайно? Или это ему показалось?

* * *

Он возвращался домой переполненный счастьем. Карета мягко покачивалась на рессорах, слышно было, как кучер Прошка покрикивал на зазевавшихся прохожих: «Пади! Пади!»

Перед мысленным взором Державина то и дело проносились воспоминания, словно «живые картины» на представлении в домашнем театре. Всю дорогу он предавался мечтам, а когда вернулся домой, некая мысль вдруг грозно и беспощадно всплыла в его голове, нарушив безмятежное счастье. Он пытался прогнать ее, но она не уходила, словно издеваясь над его наивными надеждами.

Прошел почти год с тех пор, как был заключен договор с Дворянским банком о рассрочке долга, а он не сделал ни одного взноса. Через месяц он должен погасить долг в 25 тысяч рублей, иначе его посадят в тюрьму, как Ивана Блудова, чтоб ему пусто было!

Взраивать из жалованья не имело смысла, этих

денег всё равно не хватило бы, к тому же он был обязан вести образ жизни согласно своему положению в Сенате: в чиновничьем мире за этим строго следили. Вознаграждение за участие в войне, которое он получил, оказалось ничтожным, а надежды на протекцию могущественных покровителей не оправдались. Он не выгораживал и не жалел себя. Сам виноват! Но его обожаемая Пленера... Неужели ему придется расстаться с ней?

Имеет ли он право ухаживать за юной невинной девушкой, если над ним, как Дамоклов меч, висит непосильный денежный долг? И что подумают Мария Дмитриевна и ее дочь, когда узнают, что он несостоятельный должник? Нет, он больше не должен ездить к ним!

* * *

Весь следующий день Державин был рассеян, томился сомнениями, а вечером после службы поехал к Бастидоновым.

– Доложи обо мне, любезный, – велел он лакею.

Тот вернулся через минуту:

– Мария Дмитриевна просят в кабинет!

По резной дубовой лестнице Державин поднялся на второй этаж. Бастидонова вышла из-за письменного стола и протянула руку. Они присели в кресла у окна, дружески беседуя. Державин осведомился о здоровье Екатерины Яковлевны.

– Катя здорова... Вот о ней-то я хотела поговорить...

Она помолчала, потом осторожно, чтобы не обидеть гостя, поделилась с ним своими мыслями. Что тут скрывать? Катя – молодая красивая девушка на выданье, и нет ничего странного в том, что Державин весь вечер ухаживал за ней. Но надобно подумать о ее репутации! Если он будет часто видеться с ней, это может стать поводом для сплетен. Его-то никто не осудит, а вот Катя... Словом, хотелось бы знать, насколько серьезны его намерения. И Бастидонова испытующе посмотрела гостю в глаза.

– Я люблю Катю! – искренне вырвалось у Державина.

Мария Дмитриевна благожелательно кивнула:

– Об этом нетрудно догадаться. Но, простите... мне нужно знать, собираетесь ли вы на ней жениться?

С какой радостью Державин ответил бы: «Да!» Но проклятый долг словно кляпом заткнул ему рот. Заметив растерянность поэта, Бастидонова заверила, что не торопит его с женитьбой. Однако надобно объявить хотя бы о помолвке, и тогда его визиты будут оправданы.

– Сударыня, хоть сию минуту я готов обвенчаться с вашей дочерью. Но... некоторые финансовые зат-

руднения, которые я надеюсь скоро разрешить...

Он в замешательстве замолк.

– Если всё дело в этом, – прервала его Бастидонова, – мы подождем. Решайте свои вопросы... Но до этого, прошу вас, – никаких визитов!

Последние слова она произнесла, строго сдвинув брови, и решительно встала.

Державин ушел удрученный, не видя никакого выхода из той ямы, куда попал по вине мошенника-кузена. Напрасно он оглядывался, надеясь увидеть в окне свою милую Пленуру: все окна были закрыты шторами. То ли матушка так велела, то ли девушка сама не захотела его видеть.

Когда карета примчала его домой, было уже темно. Петруша подал ему письмо, которое час назад принес гвардеец Преображенского полка.

– Его в полк доставили, – объяснил слуга. – Видать, не знали, что вы там уже не служите.

Неприятный холод вдруг пробежал в груди. Державин сломал печати...

В учтивых выражениях петербургское отделение Дворянского банка напоминало, что срок выплаты его долга в размере 25 тысяч рублей истекает через неделю. В случае неуплаты должник будет подвергнут аресту.

«Прощай, моя Пленура!» – мелькнуло в голове.

Он отпустил слугу и взял перо. Ни арест, ни тюрьма не пугали его так, как горечь неизбежной разлуки с любимой. И, как всегда, он пытался излить душевную боль в стихотворных строчках.

*Неизбежным нашим роком
Расстаешься ты со мной.
Во стенании жестоком
Я прощаюся с тобой.
Обливаюся слезами,
Скорби не могу снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости...*

Он положил стихи на середину стола. Затем открыл нижний ящик, достал пистолет, осмотрел его, зарядил и положил поверх стихотворения.

– Вот и всё! – сказал он вслух и вздрогнул от собственных слов. Неужели он, выросший в благочестивой религиозной семье, готов совершить тяжкий грех самоубийства? Но другого выхода нет...

И вдруг невесть откуда прилетевшая мысль пронзила мозг: «А что, если?..»

Нет, только не это! А как же его клятва?!

Державин в смятении мерил шагами свой кабинет. И в конце концов решился: будь что будет! Он должен испытать судьбу. Бог милостив и, быть может, простит его, грешного.

* * *

Игорный дом «Рыжий Джокер» разительно отличался от московского «Короля бубен». Дорогая мебель, яркий свет, чинные лакеи, приличные, хорошо одетые гости. Но главное, что отметил Державин опытным глазом бывалого игрока, – отсутствие зеркал, главной шулерской атрибутики. За игорным столом он увидел знакомого офицера из Преображенского полка. Тот, узнав его, приветливо помахал рукой и познакомил со своими партнерами.

Видно, не зря говорят, что порок имеет некую притягательную силу. Непередаваемое чувство охватило Державина, едва только он взял в руки новенькие, сияющие глянцем карты из только что распечатанной колоды. Мелкая дрожь пробежала по телу от головы до пят, тонкие нервные пальцы привычно расправили карты веером...

И началась игра! Шестерки, тузы, короли и дамы, казалось, без разбору летели на зеленое сукно, но Державин был опытным игроком: мгновенно запомнил все ушедшие из колоды карты и строил возможные комбинации для дальнейшей игры. Так продолжалось несколько часов. Партнеры менялись, давно ушел с пустым кошельком знакомый преобразенец, а Державин всё играл и играл...

Какое-то непостижимое чутье подсказывало ему, что сегодня его день! Он перестал мучить себя расчетами и непосильным напряжением памяти и играл легко, с азартом, не думая о проигрыше и не считая выигрыш. Сколько времени прошло? Он не знал. И лишь когда в отдалении послышался колокольный звон, сердце его вздрогнуло. Словно кто-то незримый шепнул ему: «Довольно». Он тотчас поднялся, втиснул в кошелек и рассовал по карманам выигранные деньги, раскланялся с партнерами и вышел на темную улицу.

Кучер Прошка спал, притулившись на облучке. Державин растолкал его и рассмеялся, когда тот повернул к нему испуганную спросонья рожу.

– Домой! – коротко бросил поэт и, прежде чем сесть в карету, положил ему в ладонь серебряный рубль.

Счастливый Прошка весело тряхнул поводья, причмокнул, и карета покатила по пустынной мостовой.

Дома Державин первым делом разрядил и убрал в ящик стола пистолет. Стихотворение хотел сжечь, но передумал и тоже положил в ящик. Много лет спустя оно станет известно читателям под названием «Разлука», но никто так и не узнает, кому оно посвящено.

Освободив стол, Державин разложил на нем выигранные деньги: золотые и серебряные монеты,

пачки ассигнаций... Посчитав свалившееся на него богатство, он в изнеможении опустился на колени перед иконой и возблагодарил Бога.

В ту удивительную ночь его выигрыш составил сорок три тысячи рублей! До конца своей жизни он больше никогда не играл в азартные игры. Ну, разве что в подкидного дурачка для забавы...

Глава 12 Счастье

На другой день Державин расплатился с Дворянским банком. Оформив все бумаги, чиновники любезно заверили его, что Иван Блудов в самом скором времени будет освобожден из острога. Державин поблагодарил, но никакой радости от этой вести не испытал. У него были заботы поважнее. Он написал письмо Марии Дмитриевне с просьбой принять его, купил два букета роскошных роз, вина и сладостей и велел Петруше доставить всё это Бастидоновым.

Время потянулось в томительном ожидании.

– Есть ответ? – нетерпеливо спросил он, когда слуга наконец вернулся.

– Ничего не написали-с... – удрученно протянул Петр, разводя руками и сочувственно глядя на окаменевшее лицо хозяина. Потом помолчал и добавил: – Только на словах велели передать...

– Что?! Да говори же, сукин сын!

Петруша вдруг расплылся в широкой улыбке.

– Что ждут вас завтра к ужину!

У Державина не хватило духу отругать слугу за то, что тот позволил себе сомнительную шутку. От сердца отлегло. Он снова желанный гость в доме Бастидоновых!

* * *

Мария Дмитриевна принарядилась по случаю его визита. На ней было зеленое муаровое платье, которое переливалось и шуршало при каждом ее движении.

– Рада вам, Гавриил Романович! Катенька скоро выйдет... Расскажите, как ваши дела?

– Дела хороши, любезная Мария Дмитриевна! Все денежные затруднения улажены, приехал просить руки вашей дочери.

Бастидонова благосклонно кивнула.

– Ну что же... Знать, на то воля Божия. Не скрою, мне пришлось наводить кое-какие справки о вашем состоянии. Человек вы небогатый, не так ли? Несколькo деревушек в запустении, да к тому же под залогом. Но ваш хороший чин в Сенате и приличное жалованье дают основание надеяться, что вы смо-

жете обеспечить семью. За Катей, к сожалению, ничего дать не могу. Был бы жив Яков... – она недоговорила, залившись слезами.

Державин растроганно прикоснулся к ее руке.

– Уверен, что покойный Яков Иванович благословил бы наш союз. А что касается наследства... Лучшим приданым для Кати являются ее молодость, ум и добрый нрав. Больше ничего мне не надобно.

Бастидонова вновь расплакалась и стала уверять, что они вовсе не нищие и не безродные. Цесаревич Павел Петрович весьма к ним благоволит и жалует своими милостями свою бывшую кормилицу и молочную сестру.

– Да что я всё о деньгах, – спохватилась она. – Ступайте, голубчик, к Катеньке! Она в библиотеке. Читает, как всегда...

Замирая от волнения, Державин спустился на первый этаж и приоткрыл дверь библиотеки. Катя сидела у окна с книгой, но ее глаза глядели мимолетно в окно, на деревья, тронутые осенней желтизной. При виде Державина она встала и устремила на него огромные черные глаза с неммым вопросом. Он поклонился и спросил, известно ли ей, зачем он пришел.

– Маменька сказывали, – дрожащим голосом ответила она.

– Я люблю вас, Катенька! Согласны ли вы стать моей женой?

– От маменьки будет зависеть...

Такой ответ его не удовлетворил. И он снова спросил:

– А если бы всё зависело от вас? Что бы вы сказали?

– Я не против, – чуть слышно прошептала Катя и вспыхнула до кончиков ушей.

Он в восторге бросился к ней и стал целовать ее руки.

* * *

Через неделю Бастидоновы устроили небольшой прием, на котором было объявлено о помолвке. Теперь Державин мог свободно наносить визиты своей Пленере, а также сопровождать ее в театр, на балы, представлять друзьям... Они были красивой парой, все их охотно принимали, осыпая комплиментами. Все, кроме Неклюдовых. Те даже не явились на помолвку, отговорившись каким-то пустяком. Однажды, зайдя к друзьям, Державин сказал, что хотел бы познакомить их со своей невестой. Митя поздравил его, а Нина вдруг побледнела и убежала из комнаты.

– Что с ней? – спросил Державин.

Досадливо махнув рукой, Митя признался:

– Неужели ты не понял, Мурза? Она всё еще

влюблена в тебя! И то, что ты женишься на юной прелестной девушке, не может ее радовать. В общем, мы решили уехать в Италию.

– Из-за меня?!

– Не совсем так, друг. Не хотел тебе жаловаться, но моя старая рана никак не хочет заживать. Лекарь говорит, что виноват холодный климат.

Неклюдов проводил его до крыльца. Они обнялись на прощанье, а потом долго стояли на ступенях, не решаясь расстаться.

– Волк ел – не знаю что, и костью подавился... – вдруг тихо произнес Митя.

– Метался от тоски, и чуть он не вздурился! – подхватил Гавриил.

Они рассмеялись, но не слишком весело. У Державина почему-то мелькнула мысль: «Я вижу его в последний раз». Он взглянул на друга и понял, что Митя подумал о том же...

* * *

Цесаревич Павел Петрович безвыездно жил в Гатчинском дворце. Жизнь его была скучна, и, когда ему доложили о визите бывшей кормилицы, молочной сестры и ее жениха-поэта, он несказанно обрадовался. Павел был женат уже вторым браком: первая супруга, Наталья Алексеевна, умерла при родах, вторая – Мария Федоровна пребывала на сносях и постоянно жаловалась на недомогание.

Враждующий с матерью, никем не любимый и вечно угрюмый Павел в тот день словно ожил. Он устроил для дорогих гостей чаепитие с медовыми пряниками, шутил, веселился и то и дело просил Державина почитать стихи.

– Вы подарили мне счастливый день, и я непременно отплачу вам тем же! Поскольку я покровитель Катеньки, то приданое за мной! Правда, – смутившись, добавил он, – сейчас у меня ровно ничего нет. Но как только я буду в силах...

Увы, сил ему так и не хватило: Катя не дождалась приданого от своего молочного брата. А Державин вовсе не помышлял о богатстве. После уплаты долга у него еще оставалось около восемнадцати тысяч – целое состояние! Он купил небольшой уютный дом возле Сенной площади и мечтал о том, как приведет туда молодую жену. Вскоре так и случилось. Получив из Казани письмо с благословением матери (старушка по здоровью приехать не смогла), 18 апреля 1778 года Гавриил обвенчался с Екатериной.

* * *

В молодой жене Державин нашел свой идеал. Он терпеть не мог хмурых и сварливых женщин, а

Катя подарила ему радость, нежность и душевный уют, о чем он всегда мечтал.

Кроткая, ласковая, обворожительная... Всегда с улыбкой на устах, всегда чем-то занята: то вышивает, то читает, то на кухне обсуждает с кухаркой, чем сегодня угостить любимого Ганюшку. По вечерам у Державиных часто собирались друзья-сослуживцы, а также писатели, поэты и те, кто себя таковыми считал. Украшением литературных вечеров была, конечно, прекрасная Пленира. Она пела, играла на клавесине и мастерски вырезала из бумаги силуэты гостей... В те времена такое искусство было в большой моде.

Державин боготворил жену, и если вдруг приходилось им ненадолго расстаться, страдал и томился в разлуке. Но он не замкнулся в своем семейном мирке, и темы его стихов не ограничивались одной любовью. Именно в первые годы их супружества он неожиданно для всех написал загадочное, леденящее душу произведение – оду «На смерть князя Мещерского», в которой размышлял над хрупкостью счастья и человеческого бытия. Сегодня ты полон жизни и беззаботного веселья, а завтра... тебя уже нет.

Мещерский не был ни героем, ни великим государственным мужем, а просто милым богатым повесой, как говорится, баловнем судьбы. Каждый день его гостеприимный дом принимал званных и незванных приятелей, вино лилось рекою... Никаких особенных заслуг за ним не числилось – обычный человек, умерший внезапно за столом от апоплексического удара. Врач даже не успел пустить ему кровь. Неотвратимость смерти, ее внезапность и беспомощность человека перед ней потрясли Державина. Когда он пришел на панихиду и увидел мертвое лицо князя, с которым еще вчера веселился на дружеском застолье, строки стали рождаться сами собой:

*Где был стол яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики –
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит...*

«В природе нет ничего вечного, – думал он. – Гаснут звезды, погибают птицы, рыбы, звери... Но один лишь человек знает, что умрет. Так почему же он не пребывает в вечном ужасе перед смертью? Потому что Бог не дал ему ответа на главный вопрос: когда? Вот и Мещерский до последнего своего часа был счастлив и ушел, быть может, даже не успев осознать, что с ним произошло. Его смерть – подтверждение законов бытия: всё рождается, живет и неизбежно умирает, чтобы дать место новому ростку жизни. Так было и будет со всеми».

Друзья высоко оценили его оду, отметив в ней глубокий философский смысл, но Катя, пробежав глазами несколько строк, вдруг побледнела и отказалась дочитать до конца.

– Прости, не могу! Это очень, очень страшно!

Державин обнял ее, мысленно ругая себя за то, что испугал жену. Ведь она еще совсем девочка...

Он открывал в ней всё новые и новые достоинства, не мог на нее надышаться. Через год он отправился с Катей в Казань к матери. Фёкла Андреевна приняла ее как дочь, обласкала нежно, а казанское общество было ею так очаровано, что не хотело отпускать обратно в Петербург.

Словом, всё было в ней восхитительно... кроме одного. Минуло несколько лет их счастливой супружеской жизни, а Катя никак не могла забеременеть. Она безмерно печалилась и уже не могла скрыть своей тревоги: терзалась мыслью, что муж ее разлюбит. И Державин, видя, как она страдает, однажды раз и навсегда развеял все ее сомнения.

– Моя маленькая Пленира! Не будем роптать на судьбу, которую Бог нам назначил. Довольно молить его о том, чего он не желает дать. Какие бы испытания ни выпали нам, мы будем любить друг друга, верно?

– Да... – прошептала она, прижимаясь к его груди. – До конца жизни!

И снова стал звенеть в доме ее серебряный смех и стали устраиваться поэтические вечера с домашними спектаклями.

Державин мечтал обрести друзей среди признанных поэтов. После смерти Сумарокова главным стихотворцем России стал Херасков. Державин подумывал встретиться с ним, но, помня его суровую отповедь, не решался. Он сблизился с кружком молодых, еще не слишком известных, но чрезвычайно боевых и задиристых стихотворцев, не признающих никаких авторитетов. Это были трое неразлучных друзей – Василий Капнист, Николай Львов и Иван Хемницер. И хотя по возрасту Державин был старше всех, он чувствовал себя учеником по сравнению с образованными приятелями. Не знал он многих стихотворных премудростей, писал на слух...

Однажды друзья принесли ему журнал «Всякая всячина», издававшийся императрицей, где была напечатана ее собственная «Сказка о царевиче Хлоре». Громко, наперебой они стали критиковать это сочинение, которое, по их мнению, никогда бы не было опубликовано, если б автором была не государыня, а кто-то другой.

Поздно вечером, проводив гостей, Державин полистал журнал и прочел сказку Екатерины Алексеевны, написанную для своего пятилетнего внука

Александра, а также в назидание всем детям Российской империи.

В сказке юный царевич Хлор, сын князя Кия, попадает в плен к киргиз-кайсацкому хану, который дает ему задание – найти «розу без шипов, которая не колется». Царевичу помогает дочь хана – Фелица. Она посылает ему спутника по имени Рассудок, который ведет царевича к цели сквозь многочисленные препятствия и соблазны. Опираясь на два посоха – Честность и Правду, царевич карабкается на высокую гору. Там, на вершине, в саду волшебного дворца растет роза без шипов, символ Добродетели. Хлор срывает ее, и за этот подвиг хан отпускает его домой.

Державин был готов согласиться со своими молодыми друзьями. Сказка и впрямь показалась ему наивной, слащавой и чрезмерно назидательной. Но в то же время она натолкнула его на некую мысль... Было ясно, что под мудрой Фелицей Екатерина Алексеевна подразумевала себя. Так почему бы не принять участие в игре, предложенной сочинительницей? Она хочет быть Фелицей? Прекрасно, она будет ею!

Державин отложил журнал, взял перо и после некоторых размышлений вывел на листе бумаги несколько строк:

*Богopodobная царевна
Киргиз-кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет...*

Державин перечитал и тихо рассмеялся. Да, именно так и будет! Он напишет ей оду, приняв ее же правила игры. Соединит в одном сочинении высокий и низкий штили! Признанные пииты не пускают его в свой круг? Ну что ж, он создаст свой собственный.

Над новой одой Державин работал вдохновенно, как одержимый. В ней он обращался к Фелице, героине сказки, от имени мурзы, который просил Фелицу «подать наставленья», а получалось так, что он давал советы ей самой. Он называл ее «богopodobной», а на самом деле изображал обычной, земной. Но в том-то и состояло ее главное обаяние!

*Мурзам своим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает на столе твоём...*

По мере работы над одой Державин всё больше

влюблялся в образ Фелицы, который создал в своем воображении. Не ее вина, что «мурзы» пребывают в роскоши, спят до полудни, предаются грезам о военных подвигах, рядятся в дорогие одежды, чревоугодничают на пирах, нежатся на диване в обществе прекрасных дев, разъезжают в золоченых каретах...

*Везде соблазн и ложь живет;
Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?*

На фоне пороков вельмож заметнее блистали достоинства Фелицы. Ода получилась лестной, но не льстивой. Не пустое славословие, а похвалу за конкретные деяния воздавал ей поэт и делал это искренне, без всякого притворства. Не только потому, что, насмотревшись на преступления пугачевщины, стал убежденным монархистом, а потому, что видел перемены в жизни России. С приходом Екатерины стало вольготнее дышать, и он был ей за это благодарен.

*Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить...*

В конце оды звучала хвала Фелице как напутствие на дальнейшее благодетельное царствование...

* * *

Он долго никому не показывал своего сочинения. Опасался неудовольствия вельмож и критики маститых поэтов за то, что осмелился пойти против общепринятых литературных правил. Что-то они скажут?

Однажды к нему пришел завсегда литературных гостиных, поэт, механик и архитектор Николай Львов. Державин решил вручить ему свою оду. Но тот, скользнув глазами по строкам, бессильно откинул кудрявую голову на спинку кресла и прошептал:

– Я к тебе за советом, Романыч...

– Что с тобой? – встревоженно спросил Державин. – На тебе лица нет!

Николай был лет на десять моложе Державина и, хотя любил похвастаться своим образованием, часто просил у него житейских советов.

– Я гибну... Ты ведь знаешь, что я люблю Машу...

Державин сразу понял, что речь идет об одной из дочерей обер-прокурора Сената Алексея Афанасьевича Дьякова. Старшая, Александра, вышла замуж за поэта Капниста, а Львов и Хем-

ницер были влюблены в среднюю – Марию. Младшая из сестер, 11-летняя Даша, шпионила за всеми и украдкой строила глазки Державину, вызывая иронический смех его жены. Катя шутя называла ее «мармазеткой» – маленькой обезьянкой.

– Не печалься, Николай! Мария Алексеевна тоже тебя любит, а Хемницер, при всем своем таланте, тебе не соперник, сам знаешь!

Иван Хемницер, сын обрусевшего немца, был талантливым баснописцем, но в любви ему не везло: бедняга был весьма непригож собой.

– Дело не в Иване, а в отце Маши! Алексей Афанасьевич почему-то настроен против меня.

– Он тебя плохо знает!

– В том-то и дело, что уже всё узнал!

– Что именно?

Львов заметно смутился.

– Должен признаться... Мы с Машей тайно обвенчались. Тянуть нельзя было: ребеночка на Святцы ждем... Думали сразу отцу открыться, да все откладывали, боялись. А тут вдруг мармазетка постаралась...

– Даша?

– Ну да! Маленькая паршивка подслушала наш с Машей разговор, сразу все смекнула и бегом к папеньке! Так, мол, и так: наша Маша скоро станет мамашей! С отцом чуть удар не случился.

Державин слушал с улыбкой. История Николая показалась ему готовым сюжетом для водевиля. Однако надо было спасать друга.

– Не горюй! Всё образуется. Алексей Афанасьевич – мой сослуживец и приятель. Хочешь, я поговорю с ним?

– Ох, спасибо, Гаврила Романыч! – воскликнул Львов. – Скажи ему, что я столбовой дворянин старинного тверского рода, и состояние у меня приличное, и связи, и умом Бог не обидел!

– Скажу, скажу! Ступай уж...

Окрыленный надеждой, Львов направился было к двери, но у порога остановился.

– Ах да, забыл твою оду!

– Бог с ней, потом...

– Нет-нет, давай почитаю на досуге. Ты, Романыч, пишешь тяжело, но в твоих стихах есть что-то настоящее, честное...

Львов был ярым приверженцем принципа Аристотеля: «Подражай природе!» В стихах Державина, несмотря на некоторые их несовершенства и тяжеловесность, он чувствовал дыхание естественной жизни, пробивающееся сквозь застарелые каноны классицизма. И всегда говорил, что в их литературном кружке Державин – самый талантливый.

* * *

Через неделю, в воскресенье, Львов снова появился у друга и кинулся ему на шею:

– Романыч! Ты – волшебник!

Решив, что тот благодарит его за успешную беседу с обер-прокурором, Державин скромно ответил:

– Пустое! Господин Дьяков – разумный человек, он сразу всё понял.

– Да я не о Дьякове, а о твоей новой оде! Она бесподобна! Это прямой переворот в стихотворчестве! Я сражен!

Он упал в кресло и стал шутиливо обмахиваться, словно веером, каким-то журналом. Державин молча глядел на него, не зная, что сказать. Николай вскочил и усадил его в кресло.

– Присядь, Романыч, чтоб не упасть. И полистай сие издание. Впрочем, листать не надо, начиная сразу с первой страницы.

Николай сунул ему в руки свежий номер журнала «Собеседник любителей русского слова», редактором которого была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, ректор Петербургской академии наук.

Журнал открывался одой Державина «К Фелице»!

И пока поэт ошарашенно глядел на неожиданную публикацию своего произведения, Николай рассказал, как принес его рукопись в редакцию «Собеседника» и как Екатерина Романовна, читая, восклицала: «Ну, мурза! Ну, черт полосатый!» А потом распорядилась немедленно сдать оду в набор и поставить ее в журнале первой. А свою собственную статью велела напечатать следом за ней.

– Ты только представь! – распаялся Львов. – О твоём творении скоро узнает вся просвещенная Россия! Быть может, в этот самый миг ее читают Херасков, Княжнин, Фонвизин и даже сама императрица...

– А также Потемкин, братья Орловы...

– Не трусь, сейчас другие времена! Побегу к Капнисту – он еще ничего не знает!

Когда Львов убежал, Державин долго сидел в кресле, размышляя и перечитывая свою так неожиданно вышедшую в свет оду. Он не знал, радоваться ему или огорчаться. Николай, конечно, шельма, что напечатал «Фелицу» без его ведома. Но всё-таки приятно... Вряд ли у самого автора хватило бы духу отнестись оду в «Собеседник» – самый известный журнал Петербурга.

Он перевернул несколько пахнущих типографской краской страниц и увидел статью Дашковой. Она называлась: «Послание слову «ТАК» и была написана прозой и стихами. Взгляд Державина задержался на строчках:

*Лишь скажет кто из бар: «Учение есть вредно,
Невежество одно полезно и безвредно».*

*Тут все поклонятся – и умный и дурак –
И скажут, не стыдясь: «Конечно, сударь, так!»*

Державин усмехнулся, невольно отметив слабую рифму: «вредно-безвредно». Ну, а в целом недурно... Эх, будь что будет! Николай прав: чего ему бояться? Не те нынче времена, чтобы за вольнодумство тащить поэтов на правез.

* * *

Шел день за днем... Державин ждал хоть какого-то отклика на свою оду, но, кроме восторженных поздравлений Львова, Капниста и Хемницера, ничего не получил. Молчал Херасков, молчали Фонвизин, Богданович, Княжнин... Молчали и его сослуживцы в Сенате. Более того, вместо славы на Державина неожиданно обрушилась большая неприятность. В департаменте государственных доходов, где он служил, обнаружилось сокрытие крупной денежной суммы. Державин, имея опыт агента Следственной комиссии, сам провел расследование и вывел одного из чиновников на чистую воду, после чего доложил о происшествии генерал-прокурору Вяземскому. Но тот вместо благодарности схватился за голову: виновник приходился ему родным племянником и, как позже открылось, не раз совершал подобные преступления.

– Что вас подвигло лезть не в свое дело? – простонал Вяземский.

– Дело, о котором вы изволите говорить, Александр Алексеевич, входит в круг моих обязанностей!

– Вы понимаете, что ваше разоблачение ставит пятно на Сенат?

– Пятно поставил не я, а тот, кто совершил подлог.

Князь метнул на него яростный взгляд. Ишь ты! На всё есть ответ! Морщины на его бугристом лбу волнообразно зашевелились, выдавая работу мысли. Усилием воли он заставил себя успокоиться и даже соорудить что-то вроде улыбки.

– Чего уж теперь искать виноватого... Следует думать, как выйти из положения! – он помедлил с минутой и неожиданно предложил: – Нам, Гаврилу Романыч, надобно обсудить сей вопрос вечером, за чашкой чая. Окажите честь визитом! Поужинаем, заодно и потолкуем.

Вечером Державин отправился к Вяземскому. Князь был воплощением любезности и за рюмкой вишневой наливочки пытался склонить Державина на свою сторону, обещая покровительство и повышение в чине.

– Зачем ходить вокруг да около? Заберите свой

рапорт, и через неделю вы получите новый чин! Недостачу покрою сам. И бумаги выправлю!

Наливка Державину понравилась, а предложение – нет.

– Не могу, ваше превосходительство... Мне отец, умирая, сказал: «На небе – Бог, а на земле – закон».

– Да законы-то люди пишут!

– По божьему наущению. Тому пример – «Наказ» нашей государыни императрицы.

Спорили они долго, но так ни к чему и не пришли. Под конец усталый и мрачно-пьяный генерал-прокурор обещал превратить службу Державина в такой ад, что тот сам запросит отставку. Как раз в эту минуту вошел слуга и объявил, что к господину Державину явился курьер.

– А почто он ищет его в моем доме? – вспылил князь.

– Помилуйте, ваше сиятельство! Посыльный искал господина Державина на его квартире, но там ему сказали, что он к вам поехал...

– Ладно, зови!

Вошел гвардеец и, лихо щелкнув каблуками, громоподобно провозгласил:

– Милостивые государи, имею поручение к мурзе Державину!

На несколько мгновений воцарилось молчание. Опомившись, Державин шагнул вперед:

– Это я... С чем пришел, братец?

– Приказано вручить пакет, ваша милость! – доложил бравый курьер, протягивая запечатанный сверток.

Рука Державина дрогнула: пакет неожиданно оказался тяжел. В тот же миг гвардеец, воскликнув: «Честь имею!», развернулся по артикулу кругом через левое плечо и удалился строевым шагом.

Князь вытер пот со лба батистовым платком.

– Ч-что всё это значит?

Державин прочел надпись на пакете:

– «Из Оренбурга, от киргизской царевны мурзе Державину».

Сердце застучало дробью: прочла! Откликнулась! Даже пошутила!

Всего лишь на миг он закрыл глаза... И, словно наяву, прекрасная дама в гвардейской треуголке вновь пронеслась мимо него на белом коне, одарив лучезарной улыбкой. Видение пропало так же быстро, как и появилось. А рядом бубнил Вяземский:

– Ничего не понимаю! Что за царевна? Почему из Оренбурга? Уж не взятка ли это, святой вы наш...

Державин вскрыл пакет. Казалось, тысяча солнц разом вспыхнули и заиграли разноцветными огнями! В пакете оказалась золотая табакерка, усыпанная бриллиантами. Драгоценные камни сверкали и переливались, составляя причудливый узор.

– Боже мой, – простонал Вяземский. – Какая роскошь! А что внутри? Только осторожнее... Вот кнопочка.

Внутри табакерки находились пятьсот золотых импералов!

– Да-а... – еле выдохнул генерал-прокурор. – Подарок с выдумкой и тонким вкусом, как и подобает императрице.

– Почему вы думаете, что это от нее?

– Ужасно трудно догадаться! Взгляните на вензель! – князь указал на затейливую букву «Е» в бриллиантовых завитушках. – Но чем вы заслужили сию неслыханную милость? И почему ее величество называет вас мурзой?

Пришлось Державину рассказать об оде «Фелица».

– Государыня изволила пошутить со мной, – пояснял он.

– Ничего себе шуточки... А как вам удалось сочинить оду? Вы – поэт?

– Кажется, сегодня я поверил в это.

Несколько мгновений генерал-прокурор молча хлопал рыжеватыми ресницами, потом, словно очнувшись, расплылся в лъстивой улыбке.

– Поздравляю, Гавриил Романович, и горю желанием поскорее прочитать ваше творение! Обожаю стихи!

– Об этом я слышан... А как с делом о подлоге?

Вяземский с жаром воскликнул:

– Выгоню подлеца! С позором! Не посмотрю, что родственник!

* * *

Присев за небольшим круглым столиком, Екатерина Алексеевна снова с удовольствием раскрыла альманах «Собеседник». В жизни она не встретила ничего подобного! И вовсе не комплименты автора так поразили ее... Слышала она и более громкие дифирамбы в свою честь. Но те шли не от сердца и потому не трогали. Впервые поэт изобразил свою императрицу живой женщиной, прекрасной, доброй и простой, радеющей о пользе Отечества, но в чем-то слабой и обманутой своими лукавыми царедворцами. «Откуда он так хорошо знает меня и моих вельмож? Верно, господь надомнил...» – думала Екатерина, перечитывая оду Державина и оставившая взгляд то на одной, то на другой строчке. Раньше она любила только прозу и мало интересовалась стихами, считая сам способ выражения мысли в рифму неестественным. Но «Фелица» растрогала ее душу. «Читаю и плачу как дура», – призналась она княгине Дашковой, которая однажды спросила, понравилась ли ей ода Державина.

Она не только проливали слезы умиления, но и

рассылала книжки альманаха своим министрам и фаворитам, пороки которых высмеял поэт, и собственноручно подчеркивала касающиеся их строки. Особенно удачным, по ее мнению, получился Григорий Потемкин:

*А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью,
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю,
То, возомнив, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом,
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан...*

Вельможи хоть и злились, но не осмеливались мстить дерзкому стихотворцу. Он словно получил индульгенцию из рук самой государыни и отныне был защищен от всех посягательств.

Опомнились и знаменитые поэты России. Херасков из Москвы прислал Державину письмо с поздравлением. Гаврилу Романыча стали приглашать в известные литературные гостиные, куда ему доселе был доступ закрыт. Вместе с ним высшее поэтическое общество стали посещать и его молодые друзья: Капнист, Львов и Хемницер.

Николай и Мария Львовы недавно сыграли свадьбу. А влюбленный в Машу Иван Хемницер, самый молодой и впечатлительный из их компании, хотел было застрелиться, но передумал после того, как «Собеседник» опубликовал его первые басни – вольные переводы Лафонтена и собственные сочинения. Особенно понравилась его басня «Богач и бедняк», которая быстро разошлась на цитаты:

*Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг, и брат,
Хоть не имей заслуг и чина
И будь скотина...*

Читатели говорили, что в этом роде поэзии Хемницер превзошел самого Сумарокова. Но никто не мог затмить славу Державина...

Императрица приняла его во дворце и около часа расспрашивала о житье-бытье. А потом частенько присылала ему приглашения то на спектакль, то в маскарад, то на званый ужин. Державин обожал ее и считал идеальной правительницей. Все безобразия, творившиеся в России, он относил к ее недругам – бесчестным вельможам и алчным сановникам. А она была добра, прекрасна и не ведала, что ее бесстыдно обманывают те, ко-

му она доверилась. Словом, поэт пожинал плоды своей славы и пребывал в некоем сладком сне.

Между тем злоупотребления в Сенате не прекращались, и Державин, уверенный в своей правоте и торжестве закона, снова принялся писать рапорты Вяземскому. Тот терпел сколько мог, а потом взорвался и выполнил свою давнюю угрозу «превратить его жизнь в ад». Для этого он воспользовался помощью подчиненных. Многие сослуживцы Державина, ранее благоволившие к нему, теперь втайне завидовали его успехам. В глаза говорили комплименты, а сами выискивали в его работе нечаянные промахи и даже подло «подставляли», сообщая неверные цифры в деловых бумагах.

Все кончилось тем, что Державин был вынужден уйти из Сената. К тому времени он был уже в чине статского советника, и его назначили губернатором в захолустную Олонецкую область, хотя в те дни освободилась должность губернатора в его родной Казани.

Ему бы похлопотать о себе, обратиться с прошением к государыне, а он...

Глава 13 Бог

Случилось так, что как раз в ту пору на Державина вдруг снизошло вдохновение, и, позабыв о служебных неурядицах, поэт очертя голову бросился в его объятия.

Эта тема волновала его всегда. Как появился мир – земля, звезды, люди? Кто их творец? Благообразный старец на облаке или некий непостижимый высший разум? И для чего рожден человек?

Однажды в канун Христова Воскресения он стоял всю ночь в храме и вдруг почувствовал в глазах блики света. Кто-то неведомый, добрый и великий посылал ему знак... Державин разомкнул уста и, как когда-то в младенчестве, произнес только одно слово: «Бог!» Вернувшись домой, долго не мог успокоиться. Слова теснились в голове, и он, движимый внезапным порывом, написал на листе бумаги:

*О, ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц в Трех Лицах Божества...*

Но после нескольких строк работа застопорилась. Не хватало ему идеи, без которой ода не жила своей жизнью, а была лишь повторением славословий Создателю, многократно расточаемых в стихах других поэтов.

Державин думал, думал непрестанно... и через несколько дней почувствовал, что нашел то, что ис-

кал. Сам ли понял или кто-то нашептал ему, но с той поры он потерял покой и сон. Сочинял то легко, с наслаждением, то с тяжким трудом пробивался сквозь тернии мыслей, то душою уходил ввысь, то падал в бездну. Житейская суета мешала ему, и в один прекрасный день он вдруг собрал бумаги и объявил жене, что едет в Белоруссию поглядеть на свои деревеньки, выкупленные из-под залога.

– Я с тобой! – воскликнула Катя, с тревогой заметив лихорадочный блеск в его глазах.

Он ласково провел рукой по ее упругой щеке. Поцеловал пухлые вишневые губы, чувствуя, как нежность волной подкатывает к сердцу. Но сдержался.

– Нет, Пленира... Мне надобно ехать одному. Не скучай, я скоро.

Весна еще не вполне вступила в свои права, дорожки едва подсохли. Державин доскакал до окраины Нарвы и, не въезжая в город, попросился на постой к старухе немке. Та поначалу колебалась, с тревогой глядя на незнакомца. Но его обаятельная улыбка и безупречный немецкий смягчили сердце старой фрау. Она лишь растерянно сказала, что может сдать только одну комнату, и то небольшую.

– Не беда, – кивнул Державин, – лишь бы меня никто не беспокоил.

По лицу старухи снова пробежал испуг.

– Вы не алхимик?

– Что-то в этом роде, – пошутил он. – Я – поэт... Пытаюсь добывать золото из слов.

Она усмехнулась и пригласила его в дом.

Фрау Луиза Бергер, бывшая гувернантка, жила одна на крошечное пособие, которое присылал ей из Петербурга сын, чиновник средней руки. Бедный, но чистый ее домишко пришелся Державину по душе, и он прожил в нем почти три недели. Старушка стряпала ему нехитрую еду и старалась не отвлекать разговорами. Да и квартирант оказался на редкость тихим. Целыми днями сидел, согнувшись за столом, лишь изредка до ушей фрау Бергер доносились его мерные шаги и взволнованный голос, читавший нараспев русские стихи.

Иногда он уезжал к Финскому заливу и подолгу бродил по пустынному берегу, глядя на холодные волны.

*Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?*

Мысль, пришедшая к нему и погнавшая в дорогу, состояла в том, что сотворивший вселенную Бог, в которого он истово верил, каким-то непостижимым образом связан с ним самим. Он вдруг понял, что и в нем, и в каждом человеке живет малая капелька

Бога. И как бы ни был велик Бог, а он «перед ним – ничто», но вместе они единое целое.

*Ничто! – Но ты во мне сияешь
Величием твоих доброт,
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.*

Теперь он не сомневался в том, что Бог, создав человека, передал ему часть своей божественной сути. Слишком уж человек отличается от других созданий природы. Во всем мире только он один осознает свое «я», во всё пытается вникнуть, исследовать, познать. Его руками преобразуется природа. Человек задуман Творцом как связующее звено между Ним и остальным миром.

*Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества.
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!*

Державин встал и прошелся по комнате из угла в угол. Смерть... Нет ничего страшнее ее! Поэту припомнился дикий, животный страх, охвативший его, когда увидел он в гробу несчастного князя Мещерского. Бренность бытия и трагическая хрупкость человеческой жизни в тот момент сотрясли всё его существо: «Зачем Бог дал нам жизнь, если конечная цель всякой жизни – смерть?» Но сейчас словно раскрылись его глаза! Словно кто-то неведомый подсказал ответ. Он вернулся к столу, взял перо и снова обратился к Богу:

*Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое!*

Написав эти строки, Державин почувствовал полное изнеможение. Он погасил свечи и упал на кровать. В том, что он создал лучшее свое сочинение, сомнений не было. Ощущение абсолютного счастья переполняло его душу... Вскоре он заснул. Под утро привиделось ему, будто в глазах его снова блистает лучезарный свет. Он тотчас проснулся и увидел, что по стенам действительно бегают яркие блики света. Сомнений не было: Бог подавал ему знак!

Державин поднялся с кровати, сел за стол и задумался, подперев подбородок руками. Слезы умиления текли из его глаз. Теперь он точно знал, что его сочинение оказалось угодно Богу, и горел желанием вознести Ему благодарность за те понятия, которые Он ему внушил. Практически без помарок и исправлений Державин дописал заключительную строфу:

*Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.*

На следующее утро Державин, щедро расплатившись с фрау Бергер, нанял в Нарве экипаж и пустился в обратный путь.

Свою оду он отнес княгине Дашковой в журнал «Собеседник любителей русского слова». Екатерина Романовна встретила Державина с искренней радостью. Благодаря его «Фелице» тиражи журнала подскочили вдвое. Она ожидала, что и новые его стихи будут написаны в том же духе: легко, изящно, остроумно. Но с первых же строк княгиня поняла, что это серьезная философская ода, без скидок на вкусы и умственные способности читателей. Склонившись над рукописью, она читала медленно и сосредоточенно, вся погружившись в непростой смысл произведения. А Державин стоял поодаль и глядел на нее, замирая от нетерпеливого ожидания. Наконец Дашкова подняла голову, и он увидел ее большие умные глаза, светящиеся неподдельным восторгом. Но пауза длилась слишком долго, казалось, княгиня не находила слов, и он не выдержал:

– Так что же, ваше сиятельство? Подойдут ли мои стихи для журнала?

– Друг мой... – промолвила наконец Дашкова. – Какая глубина! Какая мощь и страстность! Никогда не встречала ничего подобного! Вы написали оду Богу, но возвысили человека! И всё же... кое-что мне непонятно. Например, ваше толкование Троицы...

– То, что церковь называет триединством, я понимаю как три единства метафизические, которые Бог совмещает в себе: бесконечность пространства, непрерывное течение времени и бессмертная жизнь.

Дашкова взглянула на него пристально, чуть сдвинув брови. Спросила осторожно:

– А вы случайно не пантеист?

Поэт отрицательно покачал головой и пошутил:

– «Един есть Бог, един Державин!»

Но Дашкова озабоченно потерла ладонью высокий лоб.

– Ваше признание многих живых миров во Вселенной, прямое уравнивание человека и Бога... Всё это необычно и сопряжено с некоторым риском для нашего журнала. Как бы не вышло у нас разногласий с церковью...

Державин понял это как отказ. Молча взял со стола свою рукопись и свернул в трубку. Но Дашкова, опомнившись, остановила его:

– Нет-нет, оставьте! Ваша ода будет напечатана в моем журнале! Если у кого-то возникнут вопросы, я найду как ответить... И вот еще что... Приглашаю вас, Гаврила Романыч, принять участие в издании первого Словаря Академии Российской... Слыхали о таком?

– Ваша светлость! Но... у меня нет профессорского звания! – вспыхнул от неожиданности Державин.

– Профессоров у нас достаточно, – улыбнулась княгиня. – Уже набрана редакция из сорока семи ученых мужей. А вот талантливые поэты – бесценная редкость. Не смущайтесь! Мы будем обращаться к вам за советом по мере надобности. Согласны? – Это великая честь!

* * *

Ода «Бог» вышла в следующем номере «Собеседника» и имела оглушительный успех. Таким искренним, чистым и страстным было это произведение, и так напоминало оно из глубины души идущую молитву, что церковь простила Державину некоторые вольные теологические толкования. А что касается читателей, то они буквально взорвались восторгом! Среди сотен хвалебных писем он нашел краткую поздравительную записку: «Рад за вас! Николай Звонарев». Гавриил Романович радостно улыбнулся, вспомнив разговор в трактире с едва знакомым молодым чиновником, предсказавшим ему большое будущее...

Отныне за Державиным прочно закрепилась слава первого поэта России. Многие стихотворцы, подражая ему, стали писать о Боге. Но в сравнении с его творением их вирши казались жалкой подделкой. Императрица тоже весьма благосклонно отозвалась о его новой оде, хотя золотой табакерки на этот раз он не получил.

В те дни государыне было не до него: 8 апреля 1783 года Крым стал частью Российской им-

перии! Основная заслуга в этом принадлежала ее фавориту, Григорию Потемкину, и последнему крымскому хану, Шахин-Гирею, который вошел в союз с Россией благо для своей страны. Судьба хана оказалась трагичной. Через четыре года Шахин-Гирей опрометчиво отправится к своим единоверцам в Османскую империю, где его казнят по приказу султана. Но это будет потом... А ныне Россия ликовала! В честь присоединения Крыма, Тамани и Кубани Екатерина Алексеевна велела выбить памятную медаль, выкатить на площади бочки с вином и веселиться всем миром!

* * *

Державины тоже устроили пикник в тенистых рощах Царского Села. Среди гостей были супруги Капнисты и Львовы, «мармазетка» Даша Дьякова и неуклюжий баснописец Ваня Хемницер, всё еще тайно влюбленный в жену Львова, Марию. В последнее время Иван выглядел усталым и сильно исхудал – вероятно, от любви.

Искрылось в бокалах золотистое вино, и звучали стихи; играли в фанты и в пятнашки. Державину завязали глаза и назначили «водить». После нескольких попыток ему удалось поймать одну из дам. Он держал ее за талию и делал вид, что пытается угадать, кто это. На самом деле по знакомому запаху цветочных духов он сразу понял, что это Катя. Решив пошутить, он нагнулся и поцеловал ее прямо в губы. Все охнули. Повязка была сброшена, и он в замешательстве увидел перед собой младшую из сестер Дьяковых – Дашу. Хитрая девчонка надушилась теми же духами, что и его жена.

– Виноват, барышня, – пробормотал Державин.

– Просите прощения у своей Пленеры! – хихикнула она и ускакала на одной ножке, шурша накрахмаленными кружевами белых панталончиков, кокетливо выглядывающих из-под платья.

Обескураженный Державин оглянулся на Катю, но та как ни в чем не бывало смеялась вместе со всеми и, казалось, не придавала значения его маленькой оплошности.

Пикник продолжался, но теперь Державин не отпускал от себя жену, крепко держа ее за руку. Роща оглашалась песней:

*Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло...*

В самый разгар веселья, когда они уже готовы были стремглав пуститься «в горелки», из Петербурга прискакал верховой – слуга Державина.

– Что случилось, Петруша? – голос поэта почему-то дрогнул. Тягостное предчувствие сжало сердце ледяным обручем.

– Вам письмо, ваша милость.

– Откуда?

– Из Казани.

Лицо Державина смертельно побледнело.

– Ганя! Что с тобой?! – кинулась к нему жена.

– Вскрой сама... Я не могу...

Он молча передал ей письмо. Предчувствие не обмануло его. В учтивых выражениях казанский градоначальник извещал о кончине его матушки, Фёклы Андреевны Державиной...

* * *

На другой день он отправился с женой в Казань, чтобы оплакать мать на ее могиле. Чувство вины не отпускало его. Почему не поехал раньше? Ведь знал, что мать болеет... Но работа над одой захватила его настолько, что он забыл обо всем...

Смерть словно ходила за ним по пятам. Еще одно горе постигло его в те дни. Умер Ваня Хемницер, самый молодой и скромный из их литературного кружка. Романтичный, смешной рыцарь Маши Дьяковой – жены Николая Львова... «Он был лучшим из нас! – с горечью говорил Державин Кате. – А мы шутили над ним, над его чувствами. Никто не принимал его всерьез...» Вернувшись в Петербург, Гавриил Романович тут же стал готовиться к отъезду в Карелию.

Олонецкая и Архангельская губернии в то время составляли наместничество генерал-губернатора Тимофея Ивановича Тутолмина. Державину была доверена Олонецкая губерния, а Архангельскую возглавлял отставной полковник Ливен. Губернаторы подчинялись генерал-губернатору, а тот, в свою очередь, петербургскому Сенату. Казалось, всё просто и понятно. Но, прибыв к месту назначения в город Петрозаводск с женой и домашним скарбом, Державин понял, что служить под началом Тутолмина ему будет нелегко. Дело было не только в непомерном гоноре начальника, окружившего себя безмерной роскошью, но и в диком беззаконии, царившем в Петрозаводске и его окрестностях. Губерния была истощена беспрестанным взяточничеством и воровством, и наш «мурза» с татарским напором ринулся исправлять местные нравы. Он и до этого был прямолинеен и горяч, а на новой службе и вообще перестал себя сдерживать, грубил и ругался с чиновниками и даже с самим Тутолминым. Неудивительно, что все его начинания заканчивались скандалами. Олонецкие казнокрады

и их высокие начальники ненавидели нового губернатора и писали на него доносы в Петербург. А он не отставал и тоже посылал в Сенат рапорт за рапортом. Многим чиновникам приходилось увольняться с насиженных мест.

– Послушайте, Гаврила Романыч, – выговаривал ему Тутолмин, – этак вы распугаете всех моих подчиненных! С кем же мне прикажете служить, коли все разбегутся?

– Со мной, ваше превосходительство! – разводил руками Державин. – Я-то куда не денусь, покуда не наведу тут порядок.

– Нет уж, милостивый государь! Впредь извольте обо всех неурядицах докладывать лично мне и делать то, что я прикажу.

Выполнять приказы самодура Тутолмина было непросто из-за их полной бессмысленности. Однажды Державин решил замостить в Петрозаводске дороги, но наместник запретил ему самоуправство и велел озеленять город, и без того утопающий в зелени.

Дивная карельская природа – единственное, что спасало Державина от хандры. Когда он объезжал свою губернию, сердце его наполнялось восторгом. Порой, захватив с собой одного из верных ему чиновников, Александра Грибовского, Державин на лодке путешествовал по прозрачным рекам и озерам. Катя занималась домашним хозяйством, наводила порядок в мрачном приземистом губернаторском доме, заставляла цветочные клумбы во дворе...

Однажды Грибовский пришел в гости к Державиным, да не один...

– Ой, кто это?! – с умилением воскликнула Катя.

Чиновник вытащил из шапки крошечного медвежонка, не больше месяца от роду. Глазки у него еще не вполне открылись, шерстка была редкой и нежной.

– Мать бросила, – объяснил Грибовский. – Видно, молоко пропало, пошла еду добывать, да где-то сгинула. Там в берлоге еще один был, да сдох, бедняга...

– И этому тоже не выжить, – с сожалением сказал Державин. – Уж больно мал. Ему мать нужна.

Катя осторожно взяла звереныша на руки.

– Как это – «не выжить»?! А мы-то на что? Козьим молоком попробуем выкормить! Давай возьмем его, а, Ганечка?

Она ласково гладила дрожащее тельце, прижимала к груди, пытаясь согреть, и умоляюще глядела на мужа.

– Ладно, возьмем, если хочешь, – сдался Державин. – Только хлопот с ним не оберешься...

– Я справлюсь, – благодарно улыбнулась Катя, а из глаз почему-то скатились две крупные слезы.

И начались хлопоты! Бутылочки для молока и для воды, соски, одеяльца, грелки, «каки-писи», купания в корытце... Наверное, и медведица не смогла бы так заботиться о своем детеныше, как ухаживала за ним Катерина.

На любой писк медвежонка она вскакивала ночью и трепетно спешила к его коробке-лежанке, выстланной теплым шерстяным одеяльцем. Назвала она его просто, без затей – Мишутка. И вскоре зверек стал бегать по комнате, играть, ластиться к людям и отзываться на свое имя.

Прошло несколько месяцев. Мишутка подрос, бурая шерсть стала густой, когти острыми. Стало трудно держать его в доме: он погрыз всю мебель и вообще шалил не по-детски. Грибовский устроил ему просторный вольер в саду с лесенками и игрушками, сколотил уютный домик. Там Мишутка и жил.

Однажды мимо губернаторского дома проходил заседатель Земского суда Молчин, которому не раз доставалось от Державина за пьянство и разгильдяйство. Он увидел Мишутку, который мирно разгуливал возле дома. У звереныша, как оказалось, имелся секретный лаз на улицу, который он подкопал под забором.

– Что, Миша? Несладко тебе живется? – посочувствовал Молчин. – Калачика хочешь?

Отломив кусок свежего хлеба, Молчин стал приimanaивать медвежонка, приговаривая:

– Пойдем со мной!

И ручной Мишутка доверчиво пошел за человеком. Через час, хватившись своего любимца, Катя заголосила, подняв на ноги всю улицу. Кто-то видел, как Молчин повел зверя прямо в здание Земского суда. Она побежала в суд, стала спрашивать Молчина, но тот отнекивался, и никто из чиновников не смог или не захотел рассказать ей, что произошло. Напрасно Катя требовала председателя, коим являлся старший сын Тутолмина. Всё семейство генерал-губернатора пребывало в Петербурге.

Трудно передать горе Кати... Ведь Мишутка был для нее больше чем домашний питомец. Сама того не сознавая, она изливала на него всю нежность и любовь несостоявшегося материнства.

Узнав о происшествии, Державин энергично принялся за расследование. Он выяснил, что судебные заседатели сначала забавлялись с медвежонком, но вскоре он им надоел, и они прогнали его палкой. А потом мальчишки с гиканьем и свистом гнали его по улице до самого леса.

Державин, как мог, утешал жену. Носил на руках, целовал, пытался чем-то отвлечь. Ничего не помогало. К вечеру у нее начался жар. Державин не отходил от нее, обещал купить нового медве-

жонка, но она тяжело вздыхала и говорила: «Другого не надо...»

Через месяц в Петрозаводск вернулось семейство Тутолминых, и Державин был вызван в резиденцию генерал-губернатора.

– Что же вы творите, Гаврила Романыч? – еле сдерживая гнев, вопрошал Тутолмин. – Медведя хотели определить председателем суда вместо моего сына? Почитайте, что о вас пишут чиновники!

Весь его стол был завален жалобами. Державин взял одну из бумаг, прочел и невольно рассмеялся. В рапорте говорилось, что в отсутствие Тутолминых губернатор назначил председателем Земского суда бурого медведя, посадил его в председательское кресло и дал пачку деловых бумаг на подпись. Медведь макал свою когистую лапу в чернильницу и подписывал бумаги.

– Чему вы смеетесь? Издеваться вздумали?! – бусшевал генерал-губернатор. – Намеряете, что мой сын не способен разобраться в делах?! Или считаете, что медведь более него в грамоте силен?!

Державину с трудом удалось сдержать смех: Тутолмин-младший и впрямь делал в документах чудовищные ошибки. Происшествие он воспринимал как забавный анекдот и удивлялся, до какой нелепости могут дойти люди в своей лжи и клевете. Но всё оказалось не так уж смешно. Генерал-губернатор написал в Петербург жалобу, изобразив в мрачных красках случай с медведем, и добавил от себя характеристику Державина как неуживчивого и не способного к делам чиновника.

В Сенате над письмом посмеялись. Всем было известно, что за год службы Державин открыл в Петрозаводске больницу, замостил дороги, установил таможду на границе с Лапландией, искоренил дикий обряай самосожжения среди раскольников, навел порядок в казне... И это была лишь малая толика того, что он собирался, но не успел сделать. Его благие начинания захлебнулись в бесконечных тяжбах и ссорах с чиновниками.

Сенаторы всё отлично понимали, но, видя категорическое нежелание влиятельного наместника Тутолмина терпеть возле себя строптивного губернатора, были вынуждены известить императрицу о неподобающем поведении Державина. Та, недолго думая, предложила ему подать прошение об отставке.

Через месяц супруги выехали в Петербург. Стояла ранняя осень, было тепло, они ехали в открытом экипаже, меж хвойных лесов и голубых озер, красотой своей навеки покоровивших сердце поэта.

– Ганя, гляди! – вдруг воскликнула Катя, оторвав его от невеселых мыслей.

Он вздрогнул. Неподалеку от дороги, на берегу

озера среди молодых стройных елей стоял небольшой бурый медведь и пристально глядел на их коляску. Привстав с сиденья, Катя стала махать ему рукой:

– Мишутка! Мишутка!

– Ну, что ты... Это не он, – возразил Державин. – Откуда ему взяться? Мы не меньше тридцати верст проехали!

– Это он! Я знаю, чувствую... Ох, Ганя, вели кучеру остановиться!

Но лошади, почуяв зверя, понеслись еще быстрее. Державин обнял плачущую жену.

– Сядь, Пленира, и успокойся. Пойми, мы не можем взять Мишутку в Петербург. Куда мы его денем? А здесь его дом... В лесу он сам – губернатор!

Отведя его руки, Катя вновь обернулась и молча, безнадежно, в последний раз глядела на Мишутку. А тот, словно прощаясь, поднялся на задние лапы и стоял так, пока их экипаж не скрылся из виду.

* * *

Прибыв в Петербург, Державин явился в Сенат и узнал, что ему надлежит тотчас ехать в Царское Село к императрице.

Через несколько часов, усталый, не зная, чего ждать – милости или опалы, он шел мимо зеркальных прудов и античных скульптур по аллее Екатерининского парка. Государыня приняла его в Китайском павильоне, и разговор шел под щебетание восточных птиц, свободно порхающих с ветки на ветку.

– Ну что, Гаврила Романыч? Не получился из вас дрессировщик? – усмеялась Екатерина, протягивая ему руку для поцелуя.

– Не получился, ваше императорское величество, – вздохнул Державин.

– Не беда, подберу для вас новую должность.

Поэт отважился на просьбу:

– Государыня, я слышал, что в Казани еще не утвержден губернатор. На этой земле я родился, вырос, освобождал ее от Пугачева...

Он замолчал, увидев, как легкое облачко пробежало по лицу Екатерины Алексеевны.

– Друг мой, губернаторские должности – не игральные карты, чтобы их тасовать как вам вздумается. В Казань мы найдем кого поставить. А вас, Гаврила Романыч, назначаю тамбовским губернатором. Коль покажете себя с лучшей стороны – тогда и поговорим. Ступайте служить, голубчик, да между делом не забывайте о стихах!

Державин молча поклонился.

* * *

В Тамбове до Державина сменились пять губернаторов. Да и он там долго не задержался, хотя поначалу дела его пошли весьма успешно. Наместник Тамбовской и Рязанской губерний, генерал-губернатор Иван Васильевич Гудович, жил в Рязани и давал ему полную свободу. Державин переманил из Петербурга нескольких знакомых толковых чиновников и с их помощью стал рьяно благоустраивать грязный, утопающий в болотах город. За два года он со своей командой буквально преобразил Тамбов и другие уездные города и села. При нем открывались народные училища, сиротские дома и больницы, весьма улучшилось положение заключенных в местном остроге, стала работать типография, где печаталась первая в России провинциальная газета «Тамбовские ведомости». Он лично руководил составлением новой карты Тамбова – страсть к составлению географических карт сохранилась в нем с гимназических времен.

Свой губернаторский дом Державины привели в порядок. Кресла и диваны обтянули сафьяном, вместо клавесина для Кати выписали из Петербурга новый музыкальный инструмент – фортепиано, которое поэт в шутку называл «тихогромом». И зажили они на широкую ногу! Приемы, балы, засолья, домашние спектакли... Державин делал все, чтобы его Пленира не скучала и радовалась жизни.

– Ты еще молода, – говорил он ей, – не то что я... руин!

Кате недавно исполнилось 28 лет, Державину – 45. Теперь разница в возрасте была не столь заметна, как раньше. Он со своей гвардейской выправкой совсем не был похож на «руина» (старика), а Катя, хоть и сохранила свою красоту, выглядела усталой. Какая-то глубинная тоска потихоньку снедала ее, оставляя след в выражении глаз. Порой на балу в самый разгар веселья она вдруг незаметно выходила из зала и шла в свою комнату прилечь на минутку.

– Что с тобой? – тревожился Державин.

– Ничего... Отдохну немного, – успокаивала его она. – Иди к гостям, я – сейчас!

И действительно, она вскоре появлялась в зале, веселая, остроумная, пленительная... Настоящая Пленира!

* * *

Державин был доволен службой, и всё у него получалось, потому что наместник Гудович его не тревожил, полностью свалив на него все дела. И жизнь им обоим, начальнику и подчинен-

ному, была в радость... Но до поры до времени.

В ту пору жил в Тамбове купец Бородин, известный мошенник и плут, а посему Державина не любил. Впрочем, многие тамбовские купцы губернатора не жаловали. Началась эта неприязнь с того, что Державин приказал не только дворянам, но и купцам отдавать детей в основанные им училища. Чуть ли не силой он насаждал учение в тамбовском обществе, которое называл «диким темным лесом». Даже у себя дома он стал вместо балов проводить для молодых людей учебу по математике и грамматике. Купцы учиться не любили и жаловались на него наместнику. Особенно злился Бородин. «Наш губернатор, – цедил он сквозь зубы, – строит из себя ученого, а сам едва гимназию окончил!» Это был богатейший человек в Тамбове и ближайший друг Гудовича. Державин давно подозревал его в крупных коммерческих махинациях, да всё не мог поймать с поличным.

Непомерное рвение тамбовского губернатора стало Гудовича утомлять. Наместник был воином до мозга костей и в гражданские дела вникать не любил. Да и некогда ему было: благоволившая к нему императрица часто желала видеть его при дворе, к тому же он еще инспектировал в армии кавалерию и инфантерию. И когда Державину, наконец, удалось вывести Бородина на чистую воду, Гудович неожиданно принял сторону купца. Отчитав неугомонного губернатора, он потребовал оставить в покое честного человека. Но Державин не сдавался:

– Этот «честный человек» разорил наш кирпичный завод, представив фальшивые бумаги, по которым купленная им глина значилась втрое дороже ее настоящей цены!

Наместник вперил в него испепеляющий взгляд.

– Как вы смеете мне перечить! Забыли «Табель о рангах»? Или до сих пор считаете себя офицером Следственной комиссии, которому позволено совать нос в чужие дела?

Обычно сдержанный, Гудович всё сильнее распалялся. Как раз в то время у его кузины были серьезные денежные затруднения, а купец Бородин щедро поделился с ней своей выручкой от продажи глины. «Нет, – думал Гудович, – подпускать Державина к Бородину никак нельзя: говорят, у него особый талант к расследованию подобных дел».

И он решил остановить ретивого губернатора-правдолюбца проверенным способом: завести на него судебное дело. Державиных стали травить и предавать бывшие приятели, которые недавно охотно посещали их балы и творческие вечера. Однажды на светском приеме у Гудовича его кузина, мадам Чичерина, громко, с ехидной улыбкой спросила Катю:

- Сколько лет вы замужем, милочка?
- Скоро будет одиннадцать.
- Немалый срок! А почему у вас до сих пор нет детей?

Кате не раз приходилось отвечать на подобные вопросы. Раньше она отшучивалась тем, что еще молода и успеет родить мужу наследника. Но сейчас такое объяснение вызвало бы смех: Чичерина моложе ее на два года, а у нее трое малышей. Не найдя слов, Катя беспомощно оглянулась, ища мужа. У нее вдруг закружилась голова, лица гостей поплыли перед глазами, она неловко взмахнула рукой, ища опору, и нечаянно задела мадам Чичерину. Та стала кричать, что ее ударили, и призвала всех засвидетельствовать «избиение». Подбежавший Державин подхватил Катю под руку, и они вышли из зала под глухой ропот и осуждающие взгляды.

Вскоре посыпались новые неприятности. В Тамбов нагрянули ревизоры, которые обнаружили «финансовые нарушения и самоуправство». Во всех преступлениях, совершаемых чиновниками, был обвинен губернатор. На него составили судебный иск, который послали в Сенат, прямоком в руки князю Вяземскому. До окончания разбирательства губернатора отстранили от дел, и тамбовское общество окончательно от него отвернулось.

Державин ждал решения Сената, но началась осенняя распутица, и почта из Петербурга перестала приходить. Было тоскливо, холодно, пасмурно.

– Милый... – прижимаясь к мужу, шептала Катя. – Кто мог подумать, что люди, которым ты сделал столько добра, будут подло клеветать на тебя! Мне страшно, Ганя... Боюсь, что ты сорвешься, всплишь и еще больше навредишь себе. Твои враги как будто ждут этого...

Он нежно поцеловал жену и заботливо поправил спустившуюся с ее плеча пуховую шаль. Потом, глядя в окно на затяжной дождь, тихо сказал:

– Никто мне навредить не сможет. Я злобу твердостью сотру. Моих врагов червь кости сгложет... А я пиит – и не умру.

* * *

Как только мороз сковал дороги, прибыла почта. Державин нетерпеливо перебрал пачку писем и, найдя послание из Петербурга, стал в волнении ломать печати. В нем еще жила надежда, что милостивая Екатерина Алексеевна разберется в его деле и не даст в обиду создателя «Фелицы». Но ничего подобного не случилось. В пакете были две бумаги: приказ императрицы об увольнении его с поста тамбовского губернатора и предписание Сената

выехать в Петербург для дачи показаний по поступившим на него донесениям.

Обида хлестнула по сердцу, но он ни словом, ни жестом не выдал своего отчаяния.

* * *

Как у всякого честного человека, у Державина было много врагов. Но и друзей было немало! Весть о том, что над известным поэтом сгустились тучи, быстро облетела обе столицы. С одной стороны, зашевелились недруги: вяземские, тутолмины, гудовичи, с другой – встали на защиту известные почитатели его таланта: молодые литераторы Дмитриев, Карамзин и Жуковский, герой русско-турецкой войны князь Голицын, статс-секретарь императрицы Храповицкий, набирающий силу молодой министр коллегии иностранных дел Безбородко – преемник Никиты Панина... Неожиданно за Державина вступился светлейший князь Григорий Потемкин. Оказалось, что он совсем не обиделся на сатирические стихи в «Фелице» и часто со смехом читал их друзьям. Сильные люди умеют посмеяться над собой.

Государыня в судебный процесс по делу Державина демонстративно не вмешивалась. Не царское это дело.

Заседание состоялось 16 апреля 1789 года. После пяти часов жарких прений Державину по всем статьям был вынесен оправдательный приговор! Поэт был счастлив, но так обессилен и нервно истощен, что у него не хватило сил радоваться. Вернувшись домой, он откупорил бутылку, плеснул вина в стакан... и, не выпив, заснул за столом. Лакей Петруша заботливо доставил барина на кровать, стащил с него сапоги и укрыл одеялом.

А счастливая Катя всю ночь не могла заснуть, любясь своим ненаглядным Ганечкой...

Глава 14 Статс-секретарь

Несмотря на то что мудрая Фелица ничем не помогла Державину, а Потемкин помог, отношение поэта к государыне не изменилось. Он по-прежнему обожал ее, считая самой справедливой и просвещенной монархиней в истории России и даже думал, что, наверное, это она втайне велела Потемкину повлиять на решение суда.

Вскоре поэт был приглашен в Царскосельский дворец. В присутствии генералов, министров и вельмож Екатерина Алексеевна пожаловала Державину руку для поцелуя, а потом объявила громко, так, чтобы все слышали:

– Это мой собственный автор, которого притесняли!

И пригласила его отобедать. За столом Державин искал глазами Потемкина, но тот уже отбыл в Молдавию, к армии. Слева от государыни сидел незнакомый молодой офицер, не старше двадцати пяти лет, с прекрасными лучистыми глазами. Вел себя скромно, в умные беседы не вступал, но исправно выполнял обязанности кавалера: то подливал Екатерине Алексеевне вино в бокал, то подвигал блюда с закусками, то подавал салфетку.

– Кто это? – тихо спросил Державин императорского статс-секретаря Храповицкого.

– Новый фаворит государыни, Платон Зубов. Редкий дуралеюшка... но славный малый!

Дворцовые интриги мало интересовали Державина. У него вдруг мелькнула мысль о том, как изменилась его жизнь. Неужели это он когда-то стоял под ветром и дождем в бесконечных караулах? А теперь он обедает за одним столом с государыней, запросто разговаривает с ее придворными.

Вечером, придя домой, он написал Капнистам, живущим теперь в Малороссии, веселое письмо, которое начиналось словами: «Дело мое закончено. Гудович – дурак, а я умен!..»

И всё-таки победа Державина казалась несколько странной. Враги не понесли никакого наказания и остались на своих местах, а он был отстранен от должности, хотя и с сохранением жалованья. Лишь через несколько месяцев, вняв его многочисленным прошениям, государыня наконец согласилась на аудиенцию.

– С чем пожаловал, Гаврила Романыч? Чем опять недоволен?

– Ваше императорское величество! Мне ли быть недовольным, ежели я ровно ничего не делаю, а мне за это деньги платят. Не гневайтесь, государыня, да только не привык я даром есть казенный хлеб. И поэтому пришел спросить: что я теперь такое? Виноват или не виноват? В службе или не в службе?

От таких слов Екатерина Алексеевна было нахмурилась, но передумала, смягчилась и взглянула на него с некоторым сочувствием. Белоснежной рукой указала на мягкое низкое кресло:

– Присядь, друг мой мурза... Снова пришел о службе просить? А ну-ка, расскажи своей Фелице, с каким вердиктом ты был уволен из армии?

Державин смешался. В приказе о его отставке значилось: «По причине неспособности к военной службе».

– Ладно, не отвечай, коль не хочешь, – усмехнулась императрица. – Скажи тогда, почему повздорил с Вяземским?

– Ему не понравилась «Фелица»! – нашелся Державин.

Екатерина Алексеевна кивнула, оценив ответ, и снова спросила:

– Зачем не поладил с Тутолминым?

– Он издавал свои законы, а я считал своим долгом исполнять ваши!

– А чем тебе не угодил Гудович?

– Ваше Величество, я был несправедливо им оклеветан, и суд меня оправдал. Ежели вам угодно, я тотчас доставлю вам три тома моих исследований по злоупотреблениям самого генерал-губернатора!

– Нет-нет, – замахала руками Екатерина. – Недосуг мне копаться в твоих бумагах. Может, ты и прав, Гаврила Романыч, да только и меня пойми... В трех местах не смог ужиться! Какую же еще службу тебе придумать? Ступай-ка, голубчик, домой да пиши стихи. Это у тебя лучше получается.

* * *

Целых два года Державин по его собственному выражению «болтался без службы». Но жалованье получал исправно, был обласкан государыней и двором, вхож в лучшие дома и литературные салоны. Жену Державина императрица недолюбливала из-за ее матери, бывшей кормилицы цесаревича Павла. А после смерти Марии Бастидон ревновала Катю к сыну, который был искренне привязан к молочной сестре...

Но не это тревожило Державина, а то, что Пленира стала часто простуживаться, особенно в осенние холода. Вызванный на дом известный эскулап не нашел у нее никакой серьезной болезни, советовал теплее одеваться и пребывать в полном покое. Екатерина Яковлевна стала уговаривать мужа посещать светские рауты без нее.

– Ты ведь знаешь, Ганюшка, что я не люблю дворцовые балы. Устаю от них... Мне милее наши семейные посиделки со старыми друзьями.

– В таком случае я тоже не буду ходить во дворец.

– Что ты! Нельзя забывать о своем положении, ведь ты – известный поэт, к тому же мой муж и кормилец!

Он смеялся, подхватывал ее на руки и кружил по комнате.

За два года «творческого отпуска» он написал не слишком много стихотворений. Видно, вдохновение не зависит от свободного времени, а приходит, когда захочет. Потемкину он посвятил оду «Победитель».

*Кем твердь Очаковска взята?
Чья вера, чьи уста взывали
Нам Бога в помощь и Христа?
Чей дух, чья грудь несла монарший лик?
Потемкин ты! С тобой, знать, Бог велик!*

Стихи Державина были доставлены светлейшему князю в Бендеры. Он прочел, улыбнулся мимолетно. В ту пору ему было не до стихов. Заканчивалась русско-турецкая война, где он одерживал победу за победой, а вот на личном фронте дела его шли из рук вон плохо. Верные друзья и тайные «доброжелатели» не раз сообщали ему о новом фаворите Екатерины. Он долго отмахивался, дескать, пустое: кто он, и кто я! Но терпенье наконец лопнуло, и Потемкин засобирился в Петербург: «Зуб стал беспокоить, – мрачно объяснил он своим генералам. – Поеду дергать!»

Однако «зуб» сидел крепко и покидать свое место не торопился. Зубов обитал в лучших покоях Царскосельского и Зимнего дворцов, был осыпан милостями и подарками, любые его прихоти исполнялись мгновенно. Кроме приятной внешности, никаких других достоинств за ним не водилось. А впрочем, нет – было еще одно: он по-звериному тонко чуял малейшие перемены в настроении Екатерины, знал, чем ей угодить, на каких струнах сыграть. Зубов подружился с Державиным и как-то намекнул ему, что государыня ждет продолжения «Фелицы». Ждет? Да пожалуйста! Державин передал фавориту красиво переплетенную рукопись стихов «Изображение Фелицы» и вскоре получил еще одну золотую табакерку с бриллиантами. Первую он был вынужден заложить в тяжелые дни своего губернаторства и до сих пор еще не выкупил.

А вот с одой «На взятие Измаила» вышла неувязка. Во время работы над произведением к Державину явился с гостинцами Зубов и, пустив в ход природное обаяние, уговорил поэта не упоминать в сочинении имени Потемкина. Так, мол, будет справедливо: ведь неприступная турецкая крепость была взята под командованием Александра Васильевича Суворова! Державин опрометчиво согласился, но вскоре понял, что совершил оплошность. Прославлять одного Суворова было не совсем удобно: Потемкин мог обидеться. И Державин, поразмыслив, не стал называть имен полководцев, а сделал героем своей оды русского солдата, «росса», сокрушившего турецкую твердыню – крепость Измаил.

В феврале 1791 года светлейший князь Потемкин-Таврический прибыл в Петербург и предстал перед Екатериной – усталый исполин, самый талантливый и могущественный из всех

ее приближенных. Последнее время министры не раз нашептывали государыне, что князь возымел силу непомерную и что его армия, победив турок, может повернуть штыки против нее самой. По их совету, чтобы ослабить бывшего фаворита, она отослала Александра Суворова в Финляндию. Объяснила это тем, что-де надобно строить укрепления на случай войны со Швецией. А на самом деле – спровадила его подальше от Потемкина.

– Чем обязана, друг мой? Отчего сорвался с места? – вместо приветствия холодно спросила она, протягивая руку бывшему фавориту.

– Тебя повидать приехал, Катишь!

Фамильярный ответ не понравился государыне.

– А на кого армию оставил? Суворов-то далече!

– На Михаила Кутузова, матушка. Храбрый воин! Про него Суворов сказал: «Командовал он левым крылом, но был моей правой рукой».

Екатерина милостиво кивнула. Она помнила Кутузова еще по началу русско-турецкой войны. Молодой полковник в бою под Алуштой получил тяжелое ранение. Пуля, пробив левый висок, вышла у правого глаза. От таких ранений обычно умирают, но его жизнь и даже зрение спас французский врач Жан Массо. Читая донесение об этом случае, Екатерина не могла сдержать слез и распорядилась щедро наградить врача, а раненого Кутузова отправить в Австрию на отдых и дальнейшее лечение.

В другое время такие воспоминания смягчили бы ее душу. Но сейчас она безучастно слушала Потемкина, и когда тот, расхваливая Кутузова, попросил для него орден Георгия третьей степени, ответила с усмешкой:

– Да уж как отказать, когда одноглазый за кривого просит!

* * *

В ту пору князь Потемкин строил в Петербурге грандиозный дворец, который назвал Таврическим. Тысячи людей обставляли залы и покои: развешивали хрустальные люстры, картины, дорогие гобелены... Светлейший задумал устроить небывалый праздник в честь взятия Измаила. И в то же время решил показать бывшей возлюбленной, как он велик и могуч. Пусть увидит, на кого она его променяла. Кто завоевал Крым? Кто одержал верх над турками? Зубов? То-то же!

О генерал-аншефе Суворове он старался не вспоминать. Прославленный полководец, любимец армии, не был даже приглашен на торжественный прием. За два дня до праздника он получил предписание осмотреть шведскую границу. Ничего не поделаешь... В день великого праздни-

ка должна сиять лишь одна звезда, царить один герой – светлейший князь Потемкин!

Князь пребывал в делах, бодро и энергично отдавал последние поручения по убранству дворца, а по вечерам устраивал дружеские пирушки. Но весел не был... Какая-то неведомая тоска оставила на нем свою печать.

– Пора к армии ехать, – говорил он друзьям. – Да вот решил погулять напоследок. Устрою бал, порадую Катишь и себя.

Празднование состоялось 28 апреля 1791 года. Возле Таврического дворца с утра царило оживление. На площади были выставлены для народа столы с угощением, к общему восторгу выкатили сорокаведерные бочки с медом и вином...

Вечером стали съезжаться гости – министры, боевые генералы, знатнейшие вельможи России. Прибыли цесаревич Павел с женой и их дети: четырнадцатилетний Александр и двенадцатилетний Константин. За ними подкатила карета Екатерины Алексеевны. Императрица сделала всё возможное, чтобы не привлекать к себе внимание, но народ, увидев ее, стал кричать «Виват!», толпиться, и без давки всё равно не обошлось.

Не в силах унять волнение, Потемкин ждал государыню на ступенях дворца, сверкая бриллиантами в свете масляных фонарей. Малиновый бархатный фрак как влитой сидел на его чуть погрузневшей, но еще статной фигуре. Орлиный нос, пламенный взгляд, чарующая улыбка... При виде бывшего фаворита Екатерина безотчетно вздрогнула, но тут же успокоилась, сердце снова застучало ровно. А он, увидев, что императрица приехала одна, без Платона Зубова, возрадовался непомерно и, сбегав по ступеням, помог ей выйти из кареты. Сам оправил воланы ее золотого платья, благоговейно поцеловал руку...

Таврический дворец сверкал тысячами огней. Нарядные гости расположились в ложах вокруг парадной залы, ожидая начала праздника. Екатерина, Потемкин, Павел Петрович с супругой поднялись на подиум, увитый гирляндами оранжевых цветов.

В этот момент громко, торжественно ударили литавры! Запели трубы! Взмыли вверх смычки!

И грянул с балкона многоголосый хор:

*Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый росс!*

Звучала величественная патриотическая песнь на слова Гавриила Державина, написанная всего лишь несколько дней назад по заказу светлейшего князя Потемкина. Музыку сочинили композиторы Дмитрий Бортнянский и Осип Козловский в

форме торжественного полонеза, любимого танца Державина.

Поэт сидел с женой в почетной ложе, среди знатных гостей. Не замечая катившихся по щекам слез радости, он смотрел, как в зал под звуки полонеза выходят строем двенадцать трогательно юных танцевальных пар: девочки в одинаковых небесно-голубых платьях и мальчики в синих фраках. Колонну вел старший сын цесаревича Павла – статный красавец Александр. Он уверенно и элегантно двигался по паркету со своей дамой – немецкой принцессой Луизой Баденской, ставшей впоследствии Елизаветой Алексеевной, его женой. А навстречу им по диагонали выплывала розовая колонна отпрысков петербургской знати: барышни в платьях цвета утренней зари и кавалеры в вишневых фраках. В первой паре важно выступал младший брат Александра – курносый, похожий на отца Константин.

Хор пел:

*Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас;
Храбрость россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ!*

Державин беззвучно подпевал, чуть шевеля губами. Тогда он еще не знал, что полонез «Гром победы» на целых двадцать пять лет станет неофициальным гимном России. Лишь в 1816 году по желанию Александра I его сменит заунывная «Молитва русских» – калька британского гимна...

В тот день Потемкин превзошел себя. В каждом зале его волшебного дворца гостей ждали сюрпризы и развлечения: театральные постановки, живые картины, крепостной балет... А те, кто пожелал выйти в сад или на площадь перед дворцом, мог наслаждаться фейерверками, лицезреть потешную флотилию в искусственных озерах, играть в народные игры... Праздник венчал ужин на тысячу персон и грандиозный бал, который длился до утра.

Екатерине удалось уйти «по-английски», не прощаясь и не привлекая к себе общего внимания. Но Потемкин, зорко следивший за каждым ее движением, проскользнул за ней в заднюю дверь и оставил у самой кареты.

– Довольна ли моя государыня? – трепетно шепнул он ей на ушко.

Та чуть отодвинулась и ответила с улыбкой:

– Спасибо, голубчик, утешил!

– Позволишь остаться подле тебя?

– Рада бы... Дела не позволяют! – и осторожно вынула руку из его теплых ладоней.

Он печально кивнул, развел руками:

– Ну, что ж... Поделом мне, дураку. Прощай, Катишь...

– Прощай, мой друг! И поторопись: войну кончать надобно!

После разгрома адмиралом Ушаковым турецкого флота у мыса Калиакрия исход военных действий был предопределен. 29 декабря 1791 года в Яссах был заключен мирный договор, который окончательно закрепил за Россией Крым и северные берега Черного моря, усилил ее на Кубани, Кавказе и Балканах.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин скоропостижно скончался на пути в Ясы, не дожив двух месяцев до подписания мира.

* * *

Когда-то, еще в бытность олонекским губернатором, Державин, путешествуя по Карелии, увидел водопад Кивач, расположенный на реке Суне. Грандиозное зрелище! Четыре мощных потока одновременно низвергались в бездну, а из нее снизу вверх поднимался сизый туман мельчайших брызг. Державину очень хотелось написать стихотворение об этом дивном природном явлении, но бесконечные стычки с Тутолминным и его чиновниками отвлекли от творчества.

Теперь, думая о Потемкине, он вновь вспомнил о водопаде Кивач. Чем-то они были сродни друг другу – возможно, стоической волей, бесшабашным напором. К истоку водопада часто подходили различные животные и пили кристально чистую воду. Так и Потемкин: будучи сам всемогущ, щедро оказывал помощь множеству людей. Он был, казалось, несокрушим, но тоже познал горечь падения. Жизнь Потемкина, подобно жизни исполненного водопада, была прекрасна, но быстротечна. Как и водопад, он мог существовать только в полете.

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами.
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми,
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит...*

Ни над одним своим произведением Державин не трудился так долго и тяжело, как над одой «Водопад», добиваясь совершенства. Чтобы легче было исправлять свое сочинение, он писал, словно школьник, мелом на аспидной доске, переписывая потом на бумагу. А на другой день читал и рвал то, что сочинил вчера. «Водопад» стал не только достойным памятником великому го-

сударственному деятелю, но и апофеозом уходящей екатерининской эпохе.

*Не шел ты среди путей известных,
Но пролагал их сам...*

Это не только о Потемкине, но и о его веке. Ода звенела музыкой времени. Властители приходили и уходили, а Россия шла своим неизведанным путем, обретала новые земли, крепла...

* * *

В ту пору Державин достиг вершины своей поэтической славы. Его стихи печатались в Петербурге и в Москве, их знала вся читающая Россия. Молодой писатель Николай Карамзин, только что вернувшийся из путешествия по Европе, открывая свой «Московский журнал», писал: «Первый наш поэт – нужно ли именовать его? – обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей Музы. Кто не знает певца мудрой Фелицы!»

Знакомства с «первым поэтом» искали не только литераторы, но и важные сановники, генералы, государственные мужи... Как-то на светском рауте новый канцлер Александр Безбородко оживленно рассказывал:

– Вчера на ужине у государыни сидел рядом с Державиным. Острога ума поэт! Спрашиваю его: «Почему вы, Гаврила Романович, не носите орденов? Глядите: все вокруг блещут наградами!» Гости и впрямь сияли, как иконостасы. А тот, ничуть не смутившись, отвечает:

*Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами:
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.*

Безбородко ожидал услышать смех, но вельможи только переглянулись. Кто-то спросил с вызовом:

– Неужто, Александр Андреевич, сии дерзкие вирши вы сочли проявлением высокого ума?

В великосветских кругах Безбородко называли неуклюжим увальнем и безродным хохлом, а государыня ценила его сметливый ум, талант дипломата и незаурядную память. Однажды он явился к императрице и принялся читать длинный доклад со множеством цифр, дат и фамилий.

– Оставь мне бумаги, голубчик! Сама ознакомлюсь на досуге, – остановила его Екатерина Алексеевна.

Тот, смешавшись, медлил. Императрица, почуввав неладное, подошла, взяла из рук министра доклад и принялась читать вслух:

– «Графу Остерману – 5350 рублей, барону де Корберону – 3500 рублей, мадам Перекусихиной – 4245 рублей...» – Екатерина в недоумении оторвала глаза от бумаги. – Что сие значит?!

Оказалось, это был список карточных долгов Безбородко. Краснея и запинаясь, он признался, что впопыхах не нашел доклад и взял со стола первую попавшуюся бумагу.

Ревнивые аристократы не любили Безбородко, хотя не решались открыто идти против него, и канцлер дорожил немногими друзьями, среди которых самими верными были Державин и Зубов. Вот и сейчас молодой фаворит поспешил ему на помощь.

– А мне понравились стихи про осла! – весело заявил он. – Ее императорское величество, услышав экспромт Державина, изволили усмеяться и сблизить ладони. Тотчас и все гости стали смеяться и аплодировать, будто это их не касается! Никто не хотел признать себя ослом! Ха-ха-ха!

Слушая его, вельможи сдержанно улыбнулись. Перечить Зубову никто не стал.

* * *

С каждым днем Екатерина всё сильнее привязывалась к своему Платоше, во всем потакала и исполняла все его желания. Новый дворец? Пожалуйста! Золотую ванну, такую как в Таврическом дворце? Ради бога! Но Зубов всё равно скучал, и она это видела и страдала. Нельзя было не признаться самой себе, что прежние возлюбленные испытывали к ней если не страсть, то хотя бы искреннюю приязнь, благодарность и преданность. А новый фаворит лишь позволял себя любить и порою вел себя как капризный ребенок. Пускал бумажных змеев с колоколен, дрессировал подаренную Екатериной обезьянку...

Неторопливо прохаживаясь по анфиладе из комнаты в комнату, Екатерина Алексеевна предавалась грустным размышлениям. Неужели она так изменилась, что уже не может стать любимой и желанной? Мимолетный взгляд в зеркало подтвердил ее опасения. Погрузневшая 62-летняя женщина с дряблой кожей и усталым взглядом ничем не напоминала статную, цветущую, энергичную монархиню, что двадцать пять лет назад без ума влюбилась в молодого поручика конной гвардии Григория Потемкина. А кажется, что всё это было вчера...

Неожиданно сзади раздалась шаги. Она вздрогнула и обернулась:

– Платоша!

– Я искал тебя, Катенька...

Императрица вспыхнула и бросилась к нему в объятия. Искал! За одно это слово она готова поло-

жить к его ногам все богатства мира. Но – спокойствие! Надо держать себя в руках, Платон не любит бурных проявлений чувства.

– Что хотел, дружочек?

– Вот так сразу – «что хотел»! – рассмеялся он, сверкнув белыми зубами. – Соскучился!

У Екатерины заняло в груди от сладкого томления: «Ну и улыбка! Недаром досталась такая фамилия!» – мелькнуло в голове.

– Знаю, что скучаешь... Не сердчай, мой ангел: де-ла! Сходи к Храповицкому, поиграй в карты. Или к Безбородко – поговори о политике.

– Не хочу! Надоели эти хохлы! Вот ежели бы...

– Что?

Зубов не ответил. Екатерина внезапно похолодела. Сердце екнуло: «Чего еще ему в голову взбрело? Неужто юную фрейлину себе присмотрел?» Схватила его за руку, едва не порвав кружевной манжет:

– Говори, Платон!

– Отпусти, Катерина, больно! Подружился я тут кое с кем, хотел порадеть о местечке при дворе...

– Кому?!

– Поэту нашему, Гавриилу Романовичу.

Екатерина отпустила руку Зубова и облегченно перевела дух. Так это Державин! Слава богу...

– Ну, что же, Катенька? – настаивал фаворит, устремив на нее голубые глаза. – Возьмешь его или нет?

Она улыбалась и млела под его взглядом:

– Почему нет, дружочек? Возьму кабинетным статс-секретарем! Храповицкий один не справляется...

* * *

Екатерина и сама подумывала о том, чтобы приблизить к себе Державина. Устав от внутренних и внешних политических бурь, она мечтала обрести умного, преданного, но независимого в суждениях друга, с которым можно на досуге поговорить о литературе и жизни. А Платон Зубов, сблизившись с Державиным, надеялся, что поэт напишет о нем хвалебную оду, возвеличив его имя в истории.

Увы... И государыня, и ее фаворит просчитались. Получив должность императорского статс-секретаря по принятию прошений, истосковавшийся по службе Державин с головой окунулся в работу и усердно исполнял свои обязанности, не отвлекаясь на посторонние дела. Теперь он писал не стихи, а резолюции на сотни жалоб и прошений, поступающих императрице, сортировал письма по важности, по частоте проблем, по сословным группам...

Ни одна мелочь не ускользала от его цепкого взора, ни одна просьба не оставалась незамеченной, какой бы пустяковой она ни казалась. Его напарник, статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий, чей стол всегда был аккуратен и девственно чист, поначалу удивился непомерному рвению коллеги, а потом стал втихомолку подбрасывать ему свои наиболее запутанные и трудоемкие дела, чего увлеченный работой Державин даже не замечал. Он был счастлив: наконец-то ему дали дело по плечу. И в то же время дело нужное, важное... Сколько людей годами ищут справедливости в чиновничьих кабинетах! Разве он забыл, как они с матерью когда-то томились в очереди у дверей городской управы с жалобами на самодуров-соседей? Теперь все дела можно решить за считанные минуты! А в особых случаях – напрямую обратиться к императрице, кратко объяснив ей суть дела.

И стал Гаврила Романович носить по утрам мудрой Фелице кипы бумаг... а она ждала от него стихов!

– Постой, постой, голубчик, – сетовала Екатерина Алексеевна, просматривая очередное прошение, – остынь, не всё сразу. Поумерь пыл!

– Дела мною изучены, Ваше Величество! Вам остается лишь начертать высочайшую подпись.

– Под этим? Да тут замешаны мои первые министры!

– Государыня, с них-то самый большой спрос! – горячился Державин. – Они ведь – столпы России! А коль они с гнильцой?

Екатерина, вздыхая, подписывала бумаги. Она еще не потеряла надежду сделать из поэта доверительного друга и приятного собеседника. Как-то раз, окончив работу, она усадила Державина в низкое креслице (любила такие) и, присев рядом, завела душевный разговор:

– Вот ты, Гаврила Романыч, всё о справедливости печешься, вельмож ругаешь, а сам-то тоже не прочь возвыситься да хорошо пожить, так ведь?

– Именно так, государыня. Но что значит – хорошая жизнь? По мне, так это не богатство, не знатность и даже не царская милость... А честная служба Отечеству!

– Ишь, какой! Однако должность кабинетного секретаря ты принял с радостью?

– Высокая должность, коей вы меня удостоили, дает возможность принести больше пользы. А знать, что труды твои не напрасны, – это ли не счастье?

Екатерина усмешливо сощурилась и проговорила дразня:

– Сии слова не раз доводилось мне слушать! Но скажи честно: сам-то, небось, завидуешь кня-

зьям-рюриковичам? Фамилия твоя хоть и благозвучная, да не родовитая.

Державин сдвинул угловатые брови и ответил стихами:

*Я – князь, коль мой сияет дух,
Владелец – коль страстьми владею,
Болярин, коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг!*

Екатерина Алексеевна выслушала молча и жестом отпустила секретаря. Задушевной беседы не получилось...

* * *

Прошло почти два года, прежде чем Державин полностью разочаровался в своей государыне. Богоподобная царица, которая в его воображении воплощала совершенную добродетель, оказывается, осыпала милостями тех, кого он бичевал в стихах! Она умело пользовалась пороками своих министров, сановников, генералов. Сознательно прощала им многие проступки и даже преступления, чтобы потом полностью подчинить себе их волю и сделать послушным орудием в управлении государством. Правдолюбец Державин был ей совершенно не нужен. Она взяла его к себе вовсе не для того, чтобы вывести на чистую воду «властителей и судей», а чтобы отдохнуть душой в лоне его поэзии. Кто мог подумать, что он так ревностно примется за дело?

Все это Державин понял не сразу. Трудился на износ, не обращая внимания на колкости придворных, давно заметивших, что государыня не в восторге от его бурной деятельности. Безбородко уже остерегался читать вслух стихи Державина, а Зубов, так и не дождавшись от поэта хвалебной оды в свою честь, стал угрюмо сторониться его.

Меж тем жизнь Екатерины Алексеевны тоже была далеко не безмятежной. Если молодой фаворит еще терпел ее, делая вид, что любит, то отношения с сыном перешли в открытую вражду. Однажды она узнала, что Павел укрепляет свой Гатчинский дворец артиллерийскими батареями, и в смятении поделилась с Державиным:

– Вот до чего дожила, Гавриил Романович... Сын от матери войсками обороняется! Что ж мне теперь делать? Ставить пушки в Царском Селе?

Он потупил глаза, перебирая бумаги.

– Чего молчишь?! – вдруг взорвалась она. – С тобой государыня разговаривает!

– Потому и молчу, Ваше Величество, что не пристало мне, простому дворянину, судить наследника с императрицей.

Ее водянистые глаза превратились в льдинки. Несколько мгновений она холодно глядела на Державина, словно хотела заморозить его своим взглядом. Потом сказала негромко, но отчетливо:

– Geh weg! (Пошел вон! – нем.)

* * *

В 1793 году Державина перевели на службу в Сенат. Чтобы слегка подсластить пилюлю, Екатерина Алексеевна пожаловала ему чин тайного советника, что по табели о рангах соответствовало генеральскому чину, и наградила орденом Святого Владимира 2-й степени. Но всё-таки он понимал, что это была почетная опала.

– Доволен, Гавриил Романович? – как-то мимоходом спросил его Зубов, одарив очаровательной улыбкой.

– Отчего же мне не быть довольным? Я начинал простым солдатом, а дослужился до генерала.

– Да уж лучше бы стихи писал! Больше бы имел и от Катерины, и от меня.

Державин усмехнулся и продекламировал:

– *Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»*

Глава 15 «Пленира... где ты?»

Никто из придворных не пожалел о его уходе, кроме статс-секретаря Храповицкого, который при Державине два года бил баклуши, сваливая на него все самые сложные дела.

В Сенате Державин завоевал известность как самый ревностный и педантичный блюститель закона. Князь Александр Вяземский, с которым он когда-то враждовал и ломал копья, к тому времени умер, и служба не доставляла никаких неприятностей. Доходы его выросли, и вскоре он построил собственный дом на Фонтанке: красивое трехэтажное здание, нарядное снаружи и уютное внутри. В нем часто собирались желанные гости. Именно о таком доме – веселом, полном друзей, всегда мечтала его Пленира.

Здесь Державин решил справить свои именины – в 1793 году ему исполнилось пятьдесят лет. Глядя, как легко порхает по просторным комнатам его обворожительная молодая жена, украшая стены букетами и гирляндами, он тихо улыбался, неслышно шепча про себя какие-то стихи.

Вечером стали собираться гости. Пришли

Львовы и Капнисты с кучей детишек, писатели Карамзин и Дмитриев, а также сенатор Петр Лазарев, друг и сослуживец Державина, большой поклонник его творчества. Лазарев недавно овдовел и один воспитывал троих сыновей, будущих моряков...

Николаю Карамзину в ту пору было 27 лет. Его красивое умное лицо с тонкими аристократическими чертами, европейские манеры, а главное, живая, свободная речь, пересыпанная необычными новомодными словечками, представляющими собой кальку с иностранных слов, делали его неотразимым в глазах молодых людей, особенно дам. Они заслушивались его рассказами о путешествиях по Европе, называли «русским Стерном» и охотно повторяли придуманные им слова: «впечатление», «влияние», «трогательный», «влюбленность»...

В начале праздника, когда гости расселись за столом, Капнист, Львов и их жены-сестры, Александра и Мария, поднявшись, громко, в лад, запели: «Гром победы, раздавай-а-йся!..» И все присутствующие дружно подхватили: «Веселися, храбрый росс!» Уже вся Россия, от мала до велика, знала эту патриотическую песнь, она победно звучала по городам и весям, на парадах и народных торжествах.

Пленира, сидя за фортепиано, аккомпанировала хору. И вдруг под звуки полонеза с разных сторон зала стали выходить детские танцевальные пары в розовых и голубых нарядах – точно так же, как три года назад, на открытии Таврического дворца.

Этот милый сюрприз друзья втайне подготовили к юбилею Державина. Долго репетировали с детьми, шили костюмы... И танец удался на славу! Поэт был растроган до слез и сказал с волнением:

– О таком подарке я не мог и мечтать! Не знаю, что чувствовал светлейший, но вряд ли он был так счастлив, как я!

А потом было застолье, танцы, чтение стихов, игры в фанты и живые картины... Но сюрпризы не кончились. В разгар праздника в зале неожиданно появилась незнакомая гостья. Это была красивая, стройная шатенка лет двадцати пяти с огромным букетом алых роз. Державин растерянно принял цветы, пытаясь вспомнить, кто эта дама.

– Не узнаете меня, Гаврила Романович?

Он в замешательстве покачал головой. Ему на помощь поспешили Капнист и Львов:

– Господин Державин, позвольте вам представить нашу свояченицу, Дарью Александровну Дьякову!

– Боже мой... Мармазетка?! – вырвалось у него.

Все рассмеялись.

– Именно так, – смущенно подтвердила Даша. – Та самая вредная обезьянка, которая постоянно мешала взрослым...

Державин в изумлении глядел на нее, не веря своим глазам. Потом, опомнившись, позвал жену.

– Погляди, Пленира, кто к нам пожаловал!

Екатерина Яковлевна тепло поздоровалась с гостьей и, обменявшись любезностями, спросила, не желает ли она пройтись по дому.

– Право не знаю... – неуверенно промолвила Дарья.

– Пойдемте, пойдемте, милочка! – Катя, смеясь, взяла красавицу за руку и решительно увела ее дальше от Державина, в другую комнату.

Под конец праздника все снова собрались в большом зале, и Гавриил Романович стал читать гостям новое стихотворение, посвященное жене:

*О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь.
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь...*

Он начал бодро, но по мере чтения его охватывала странная нежданная грусть. Какое-то неосознанное предчувствие вдруг подкралось к нему, омрачив безоблачно-счастливый день именин. В горле запершило. Он закашлялся, смешался и стал просить прощения.

– Да чего уж там! – весело отозвался Лазарев. – От такой красоты и у меня бы слова застряли в глотке. Господа! Предлагаю тост за здоровье хозяйки дома – прекрасной Пленеры!

Все дружно подняли бокалы.

* * *

Через год, 15 июля 1794 года, Екатерина Яковлевна тихо и кротко скончалась в своем новом доме на Фонтанке.

Какой-то скрытый недуг давно подтачивал ее здоровье... Врачи не могли поставить диагноз, терялись в догадках и предупреждали Державина, что надо готовиться к худшему. Но когда это случилось, поэт был настолько сражен горем, что друзья всерьез опасались за его рассудок.

После похорон он велел наглухо закрыть все окна, запереть входные двери и никого не впускать... Он никого не хотел видеть и полностью погрузился в кромешный мрак отчаяния. Его тяготило чувство вины. Улетела душа, которая жила

только им, только для него... А что он дал ей? Неустроенную жизнь в провинциальных городах, судебные тяжбы и вражду с начальством... И вот теперь, когда жизнь стала налаживаться, когда в доме появился достаток, а неприятности по службе остались позади, когда его дом стал местом встреч лучших людей Петербурга, она навеки ушла от него. Разум отказывался постичь случившееся. Пленира... где ты?

*О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной,
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной...*

Шли дни, недели, а Державин не мог смириться с потерей и не понимал, зачем еще живет. Он почти ничего не ел, исхудал так, что стал похож на мумию, и целыми днями, пугая слуг, неслышно бродил по темным комнатам осиротевшего дома.

– Вы бы прилегли да поспали, барин, – однажды осмелился обратиться к нему лакей Петруша. – Глядишь, и полегчает... Не дело это – так себя изводить!

Державин послушался, опустил на диван, закрыл глаза и провалился в тяжелый сон, словно в могильную яму... А проснувшись, увидел, что из-под дверей столовой течет к нему белый туман и словно укутывает его. И почувствовал он, будто некий неизъяснимый дух ласкает его возле сердца. Он знал, что не спит и видит всё это наяву, однако не мог пошевелиться. А нежность, изливавшаяся на него, смягчала боль, успокаивала мысли и душу... И он, расслабленный, снова забылся сном, на этот раз спокойным, целительным...

Около полудня он окончательно проснулся. Свежий ветерок, струющийся в распахнутые окна, шевелил раздвинутые шторы, солнечные блики бежали по стенам, щекотали глаза.

– Кто открыл окна?! – хмуро спросил он и услышал знакомый голос:

– Я, мой друг! Не серчай, здесь дышать нечем и темно, хоть глаз выколи...

Это был Василий Капнист, приехавший к нему из своего имения Обуховки, где жил последнее время с семьей.

– Да как ты ко мне попал?

– Очень просто: через дверь. Твой лакей возвращался из булочной и впустил меня.

Державин промолчал. Он вдруг ощутил голод и сам удивился, что обычные человеческие желания вернулись к нему. Словно угадав его мысли, Капнист мечтательно протянул:

– Свежие калачи Петруша принес... Между прочим, время обедать!

– Ты пришел напомнить мне об этом?
 – И об этом тоже.
 – А о чем еще? – насторожился Державин.
 – Что отпуск твой кончается, я узнавал. Не забудь, завтра на службу! – Капнист присел рядом с ним на диван и положил руку на его плечо. Помедлив, спросил: – Ты-то как? Хочешь, завтра заеду за тобой, поедем вместе в Сенат.

Державин провел рукой по лицу и ответил тихо:

– Спасибо, сам доеду. Мне уже легче, Васенька. Ты ведь не знаешь: ко мне давеча жена приходила, утешала... И я понял, что нужно жить дальше, такова ее воля... – он взглянул на испуганное лицо Капниста. – Ну, чего глаза таращишь? Радоваться надо! Говорю тебе, Пленира навестила меня. Простила, приласкала... и отпустила.

– Гаврила Романович, ты устал, приляг...

– Молчи! Я знаю, что мы с ней ТАМ встретимся. Помнишь, стихи про ласточку? Я тогда конец не досказал:

*Душа моя! Гостья ты мира:
 Не ты ли перната сия?
 Воспой же бессмертие, лира!
 Восстану, восстану и я, –
 Восстану, – и в бездне эфира
 Увижу ль тебя я, Пленира?*

Слезы вдруг потоком хлынули из глаз. Он приник к плечу Капниста и горько зарыдал, впервые после кончины жены.

* * *

Державин медленно возвращался к жизни. Перестал запирать окна и двери, начал читать журналы, ходить на службу. Но на его лице лежала постоянная тень страдания. Он сделался нелюдимым, ел что попало, путал время суток, часто отвечал невпопад. Друзья понимали, что ему срочно нужна перемена в жизни, некая встряска, которая могла отвлечь его от тяжелых мыслей.

Через несколько месяцев Василий Капнист и Николай Львов наперебой стали уговаривать его жениться на их молодой свояченице Даше Дьяковой: «Ведь пропадешь, Романыч, без женской заботы!» Он и сам понимал, что не сможет жить бо-былем. Но... все-таки это невысказано! Ему за пятьдесят, а ей...

– А ей, слава богу, двадцать седьмой годок пошел! – словно прочитав его мысли, сообщил Львов. – Старая дева! Но хороша... тут уж ничего не скажешь!

– Отчего же сия красавица до сих пор не замужем?
 – Тебя ждет!

Как ни сопротивлялся Державин, но верно говорят, что капля камень точит. В один прекрасный день друзья уговорили его отправиться в дом покойного обер-прокурора Алексея Афанасьевича Дьякова, в котором жила его младшая дочь Дарья. Капнист и Львов явились со своими семьями – женами и детьми. Нежно расцеловав младшую сестру, Александра и Мария принялись хлопотать в столовой, отдавая распоряжения слугам, а мужа увели детей в бильярдную, оставив Державина наедине с Дашей.

Высокая, статная Дарья Алексеевна совсем не была похожа на маленькую уютную Пленуру. Ничем она не напоминала и ту озорную девчонку-мармазетку, что когда-то путалась под ногами у взрослых. Перед ним стояла миловидная дама с большими серыми глазами и аристократическими чертами лица, строгость которых смягчал нежный округлый подбородок. Шелковистые русые волосы были зачесаны назад и скреплены шпильками на затылке в тяжелый узел. Державин глядел на нее и боялся заговорить, потому что она ждала от него каких-то важных слов, а он не был готов их произнести.

Дарья пришла ему на помощь:

– Рада видеть вас, Гавриил Романович. Сочувствую вашему неутешному горю... Но, поверьте, жизнь продолжается! Ваши стихи нужны Отечеству...

Он жестом прервал ее:

– Вы уж простите меня, Дарья Алексеевна, но будем говорить без предисловий. Так легче... Сестры, наверное, вам сказали, что я пришел просить вашей руки?

– А разве это не так? – растерялась она.

– Именно так. Я прошу вас стать моей женой! Но прежде чем вы дадите ответ, мне надо предупредить вас, что...

Она вдруг сделала шаг навстречу и поднесла ладонь к его губам.

– Молчите! Я понимаю, что не любовь, а величайшее несчастье привело вас ко мне. Вы – один из тех, кто любит только раз в жизни! И я никогда не смогу заменить вам Пленуру. Именно это вы хотели сказать, не так ли?

Растроганный Державин обнял ее тонкий стан, привлек к себе.

– Дашенька... Пленира – на небесах, а мой земной путь еще не окончен. И его остаток я прошу тебя пройти вместе со мной.

Слезы переполнили глаза Даши и покатались по щекам. Всхлипнув, она спрятала мокрое лицо на его груди.

– Что же ты плачешь? – тихо спросил Державин.
 – Ответь, согласна или... нет?

– Конечно, да! – воскликнула она. – Тысячу раз – да! Гавриила Романович... Вы – лучший человек на земле... Клянусь, я буду вам хорошей женой!

* * *

Гавриил Державин и Дарья Дьякова обвенчались 31 января 1795 года. Пышной свадьбы не было. В глубине души Державин чувствовал вину, что так быстро нарушил траур по Кате, но жить один больше не мог: чувствовал себя камнем, брошенным в омут. С новой женой он не только обрел душевный покой, заботу и ласку, но и породнился с друзьями. Теперь три друга-поэта были женаты на трех сестрах. Завистники втихомолку осуждали его за скоропалительный брак, но почитатели радовались, что наконец кончилось его добровольное затворничество, что стал он появляться в свете, писать стихи.

К Дарье он был внимателен, баловал подарками, даже поэтическое имя ей придумал: Милена! Но так и не смог полюбить ее той пылкой, всепоглощающей любовью, какой любил свою первую жену. То ли постарел и с годами стал слишком холоден, а может, и впрямь был он прирожденным однолюбом? Поначалу он надеялся, что Милена подарит ему детей, но и второй его брак тоже оказался бесплодным...

* * *

Между тем государыня вспомнила, наконец, о своем великом полководце. Ранее она не жаловала Александра Васильевича Суворова, считая его строптивым чудачком, который этим и обрел чрезмерную популярность в войсках. Но после польского похода, в котором Суворов одержал важную для нее победу над восставшей армией Костюшко, отношение Екатерины к опальному генералу переменилось. Пусть Европа возмущается жестокими методами «русского варвара»... Победителей не судят! Суворова нужно поскорее приблизить к себе, пока на него не обратил внимания цесаревич Павел...

Разгромив польское восстание, генерал-аншеф Суворов отправил Екатерине депешу, в которой значились только три слова: «Ура! Варшава наша!» Государыня ответила столь же лаконично: «Ура! Фельдмаршал Суворов!»

* * *

На гребне славы, в новом воинском чине, Александр Васильевич триумфально возвращается в Петербург, где его ждут слава, награды и ор-

дена. Словно стараясь загладить обиду, нанесенную полководцу после взятия Измаила, Екатерина жалует ему алмазный бант к треуголке, имение Кобринский Ключ в Белоруссии, осыпает милостями и сажает подле себя на званых обедах, не обращая внимания на кислую физиономию Зубова. Как признание заслуг нового фельдмаршала, следует распоряжение императрицы поселить его в Таврическом дворце – том самом, куда его «забыли» пригласить на празднование победы над Турцией...

Поздно вечером, войдя во дворец, усталый Суворов попросил отвести его в спальню. Увидев огромную кровать с пуховыми перинами, под балдахином из фламандских кружев, он поморщился и велел постелить в углу соломенный тюфяк.

– Так мне привычнее, братцы, – пояснил он ошарашенным лакеям. – И сюда же письменный стол принесите. Люблю, когда всё под рукой...

Суворов не обольщался милостями государыни. В ту пору ему стукнуло шестьдесят пять, и жизнь научила его надеяться только на себя и господ Бога. Придворные не любили его за острый язык и «шутовство». Но с друзьями он был другим – простым и нежным. Вскоре после приезда в Петербург он осведомился о Державине и прислал ему приглашение на завтрак. Хотя Суворов читал в основном по-французски и по-немецки, слава первого поэта России докатилась и до великого полководца. Он невольно думал: «Неужели это тот самый молодой поручик, что когда-то носился по киргиз-кайсацким степям во время пугачевской войны?»

Прошло около двадцати лет с их последней встречи, но Суворов сразу узнал Державина. А тот, войдя в его комнату, вытянулся и замер перед ним, как перед старшим по званию и возрасту. Фельдмаршал раскрыл объятия и бросился к нему, не в силах сдержать неожиданно навернувшихся слез.

– Помилуй Бог! Всё тот же чудо-богатырь! Не чаял, что доведется встретиться!

Державин и сам был растроган. Он чувствовал вину, что в своих стихах не прославил по достоинству военный гений Суворова, и сейчас боялся холодности и неудобных вопросов... Но фельдмаршал ни единым словом не упрекнул поэта, велел принести завтрак и бутылку бургундского, а потом, смахнув бумаги со стола, усадил дорогого гостя подле себя. Они сдвинули бокалы за Отчизну, поэзию и боевое братство. Как водится, беседа оживилась, Державин стал расспрашивать про Измаил.

– Риск был велик, – признался Суворов. – До меня крепость пытались взять Николай Репнин,

Иван Гудович, Павел Потемкин... И отступали бесславно. Когда Григорий Александрович поручил мне сию баталию, я велел построить деревянные макеты укреплений Измаила и шесть дней лично учил солдат засыпать рвы, ставить лестницы, карабкаться на стены, колоть и рубить чучела противника. На седьмой день отправил письмо коменданту крепости Мехмет-паше: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление – и воля. Первый мой выстрел – уже неволя. Штурм – смерть».

– И что же комендант?

– Ответил так, как должно отвечать воину: «Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил!»

– Турецкий паша оказался чрезмерно хвастлив... – усмехнулся Державин.

– После штурма многие так и говорили. Но до штурма то же самое можно было сказать обо мне. Ведь в крепости не было ни одного изъяна, ни одного слабого места. Представляю, как мои дерзкие слова удивили пашу. Но на войне всегда так: кто удивил, тот и победил!

Ясность и точность речи Суворова поражали Державина. Вот чего не хватало поэтам, в том числе и ему, чьи стихи грешили многословием и велеречивостью. А Суворов выражал свои мысли кратко и незатейливо, в них был спрессован многолетний боевой опыт, знание человеческой природы и солдатской жизни: «Дело мастера боится». «Стоянием города не берут». «Тяжело в учении – легко в походе». «Пуля-дура, штык-молодец». «Сам погибай, а товарища выручай». «В кабинете – врут, а в поле – бьют»...

Державин попросил позволения записать некоторые из афоризмов Суворова, но в это время вошел лакей и доложил, что карета вице-канцлера Ивана Андреевича Остермана прибыла к парадному подъезду. Граф просит принять его.

Суворов выглянул в окно.

– Как же не принять такого важного человека! – воскликнул он и, подмигнув Державину, выбежал без плаща, в одном мундире на заснеженное крыльцо.

Слуги Остермана поспешили отворить карету, но не успел гость привстать, как Суворов по-кошачьи легко запрыгнул на сиденье и, устроившись рядом, изо всех сил затряс руку растерянного вице-канцлера.

– Весьма рад! Искренне польщен, ваша светлость! Благодарю за посещение! Вы торопитесь? Ну что же... Счастливого пути! – и, не дав растерянному графу опомниться, выскочил из кареты на снег. Помахал рукой и, ежась от холода, побегал во дворец.

Ошарашенному Остерману ничего не оставалось, как тронуться в обратный путь.

– Этот контрвизит – самый скорый и взаимно неотяготительный! – весело сообщил румяный с мороза Суворов, наливая Державину и себе ароматное французское вино. – Прежде граф не удостоивал меня и взглядом. А теперь опомнился! Ладно, бог с ним. Так что вы, Гаврила Романыч, хотели записать?

– Ваши меткие изречения. И кроме того, я бы хотел собрать воедино ваши взгляды на войну, новые методы ведения боя. Это было бы неоценимым пособием для всех, кто занят военным делом...

Он замолчал, потому что Суворов жестом остановил его.

– Ничего не нужно записывать, друг мой... Должен признаться, что заканчиваю рукопись книги, где собран мой опыт ведения баталий, который хотел бы передать потомкам. Там мои инструкции молодым офицерам, мое понимание русско-го солдата...

– Вот так новость! Какой бесценный подарок для России! – радостно воскликнул Державин. – Обещайте, что подарите мне вашу книгу! Как она будет называться?

– «Наука побеждать».

– Превосходно!

Суворов был явно польщен:

– Вы находите? Я долго мучился, как назвать... Верно ли, что для писателя самое трудное – придумать название для своей книги?

– И еще – эпитафию на своем надгробии, – пошутил Державин.

Веселые глаза Суворова вдруг затуманились, он задумчиво откинулся на спинку кресла и спросил серьезно:

– А что бы вы написали на моей могиле, Гаврила Романыч?

Державин смешался, но понял, что отшучиваться нельзя. Он открыто взглянул в лицо старого полководца и сказал:

– «Здесь лежит Суворов».

Полководец всплеснул руками, придя в восторг:

– Помилуй бог, как хорошо! Так и укажу в заветствии!

* * *

Войдя в дом Державина молодой хозяйкой, Милена, то бишь Дарья Алексеевна, старалась сделать всё, чтобы муж забыл о покойной жене. Сменила обои, по-иному расставила мебель, даже вышитые Катей подушки заменила на новые, итальянские. Гавриил Романович не пере-

чил, понимая, что Даша заслуживает своего женского счастья, но всё-таки призрак Пленеры постоянно витал между ними. Бывало, забывшись, Державин машинально чертил мелом на аспидной доске вензель покойной жены или в рассеянии называл Милену Пленерой...

Даша понимала, что их образ жизни необходимо как можно скорей изменить. Решительно и не медля! Она напряженно размышляла, что бы такое предпринять, и наконец придумала...

С согласия сестер заложила отцовский дом и купила деревеньку в Белоруссии с мелодичным именем Званка. Там с помощью свояка, Николая Львова, талантливого архитектора, был возведен двухэтажный особняк с бельведером, портиками и колоннами, а вокруг разбит парк с фонтаном, беседками, прудами и скульптурами античных героев... Старшая сестра Даши, Александра, обставила дом модной мебелью, которую Капнисты купили в качестве свадебного подарка «молодым».

Державин ничего об этом не знал и удивился, когда в годовщину свадьбы Даша предложила ему совершить путешествие в Белоруссию. Лишних вопросов поэт задавать не стал: он был легок на подъем, любил перемену мест, и к тому же ему хотелось угодить жене. Отправились в путь целым обозом: Державины, Львовы, Капнисты, с чадами и домочадцами...

Три тройки лихо неслись по укатанному снегу зимней дороги мимо верстовых столбов, заиндевивших сосен и берез... Стояла звенящая тишина, нарушаемая только легким треньканьем колокольчиков на дуге коренной лошади. Неподалеку от Новгорода, на берегу Волхова затерялась небольшая деревня, утопающая в сугробах, а на холме, посреди заснеженного парка, в лучах зимнего солнца красовался высокий барский дом, словно сошедший с полотна неведомого живописца.

– Что это за местечко, Дашенька? – спросил Державин, когда тройки свернули на еловую аллею, ведущую к парадному подъезду. Но Даша только загадочно улыбнулась.

Когда санный поезд остановился, все три семейства вышли на площадку перед домом и направились к portalу, любясь изящной архитектурой.

– Может быть, кто-нибудь объяснит мне, где мы находимся? – обратился к друзьям Державин. – Чей это дом? Твой, Николай? Или Васи?

Тянуть далее было нельзя. Обняв мужа, Дарья Алексеевна вручила ему серебряные ключи, перевязанные алой лентой.

– Добро пожаловать в Званку, мой дорогой супруг! Это наше имение!

И тут все кинулись обнимать и поздравлять

ошарашенного Державина, кричать «ура», откупорили шампанское, привезенное по этому случаю из Петербурга, слуги суетились, распаковывая коробки и подавая бокалы... А дети совали Державину в руки рыжего котенка, который по традиции должен был первым войти в дом.

Слезы благодарности навернулись на глазах поэта. Усталое сердце радостно затрепетало. Он стоял на пороге своего нового дома, окруженный любящими людьми, и впервые после долгих месяцев скорби почувствовал, что еще хочет жить.

* * *

Вернувшись в Петербург, умиротворенный, полный радостных впечатлений и надежд, Державин неожиданно для самого себя написал одно из лучших своих стихотворений.

Однажды, роясь в книгах, он наткнулся на оду Горация «К Мельпомене» в переводе Ломоносова:

*Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди...*

Державину захотелось узнать, как звучат эти стихи в подлиннике, он разыскал томик Горация и снова погрузился в чтение. Латинским языком он сносно владел еще со времен Казанской гимназии и в последнее время постоянно совершенствовал свои познания.

Его поразило, с каким достоинством римский поэт заявлял о своем предназначении. Перевод Ломоносова был очень близок к оригиналу, но Державину он почему-то не понравился. Стихи были насыщены античными словами, непривычными для русского уха, и, кроме того, главная идея оды Горация показалась ему мелкой. По мнению Державина, не красота песнопений являлась мериллом ценности поэта, а польза, которую он принес Отечеству своими стихами.

И повинюсь некой высшей силе, которая в минуты вдохновения водила его пером, Державин написал не перевод, и даже не парафраз, а собственное стихотворение, лишь отдаленно перекликающееся с античной одой.

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид...
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.*

*Так! – весь я не умру, но часть моя большая,
От тлена убежав, по смерти будет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славян род вселенна будет чтить...*

Гораций ставил себе в заслугу высокое мастерство, а для Державина превыше всего был гражданский долг: то, что мог он «в сердечной простоте беседовать о Боге и истину царям с улыбкой говорить».

Он назвал свое стихотворение «Памятник». Большинство литераторов посчитали его нескромным, и лишь немногие поняли, что Державин имел в виду не лично себя, а образ поэта. Нападки критиков не на шутку расстроили Державина. Конечно, он не мог знать, что через несколько десятков лет идею его «Памятника» подержит и разовьет в своем стихотворении солнечный гений русской поэзии, еще не родившийся в ту пору...

Возраст и усталость всё чаще напоминали о себе. Державин объявил Даше, что собирается выйти в отставку и остаток дней провести в Званке. Довольно отдано сил государственной службе! В тиши благословенной природы он будет писать стихи, заниматься хозяйством, принимать дорогих гостей. Даша горячо одобрила его решение... Но судьба распорядилась иначе.

* * *

Утром 6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина Алексеевна, и на трон сел ее сын Павел. Наступил иной век, а с ним иная жизнь. Поэзия и просвещение вышли из моды, повсюду загрели шпоры, ботфорты, замельтешили мундиры... Всё изменилось, даже одежда: было запрещено носить круглые шляпы, фраки, жилеты. С непокорных их попросту срывала полиция. Через месяц после похорон государыни Державин был призван во дворец. На лестнице и в коридорах он встретил знакомых вельмож, которые при жизни государыни вели себя гордо и заносчиво, а теперь у них были одинаково потерянные лица: Павел удалял от себя всех, кого жаловала покойная императрица. В числе первых был изгнан Платон Зубов.

Поэт еще хранил в душе теплые воспоминания о том, как он с Пленирой и ее матерью однажды посетил цесаревича в Гатчинском дворце. Но нынче в Зимнем его принял, казалось, совсем другой человек. Поначалу беседа шла непринужденно. Павел предложил Державину место правителя Верховного Совета министров. Потом оказалось, что он имел в виду всего лишь должность начальника канцелярии при Верховном Совете. Скрыв разочарование, Державин попросил государя выдать ему служебные инструкции.

– Какие еще тебе инструкции?! – вспылал Па-

вел Петрович. – Будешь делать то, что и генерал Самойлов при маман.

– Ваше императорское величество, – спокойно ответил Державин, – помнится, когда я служил кабинетным секретарем вашей матушки, Самойлов ровно ничего не делал. Так что вы правы: никакие инструкции мне не нужны.

Бесцветные глаза Павла налились кровью от гнева:

– Не желаешь служить – отправляйся обратно в Сенат! И сиди там смирно! Не то я тебя проучу!

Стоявшие возле двери генералы и высокие сановники замерли от ужаса. А Державин, окинув взглядом их трясущиеся физиономии, громко произнес, указав на государя:

– Ждите! Будет от этого... толк!

После чего решительно покинул дворец.

Даша не на шутку перепугалась, когда муж рассказал ей о том, что случилось во дворце. Несколько дней прошло в ожидании царского возмездия. К счастью, никаких неприятностей не последовало: Державин был слишком заметной фигурой, и не только в России. Его ода «Бог» была переведена на многие языки мира. Сказывали, что китайский император велел вышить ее шелком и повесить над своей кроватью...

* * *

В 1800 году, совершив великие швейцарские походы, умер генералиссимус Александр Васильевич Суворов. На его могильной плите была выбита краткая эпитафия, которую ему когда-то сочинил Державин.

Потрясенный поэт наконец отдал долг, многие годы лежавший камнем на его совести: написал оду, посвященную памяти военного гения. Назвал он ее просто – «Снегирь». Почему снегирь, а не орел или, скажем, Марс? Державин долго искал образ, который передал бы неповторимые черты полководца. Однажды после прогулки он зашел в свой кабинет, где его встретил ручной снегирь, которого выучили насвистывать первое колено военного марша. «Бог мой, как они похожи! – вдруг выстрелило в голове. – Такой же независимый и шустрый! Высокий голос, красный мундир! Храбрая маленькая птичка, не боящаяся ни морозов, ни снежных бурь – за это ее и любит народ. И Суворов тоже был неприхотлив и отважен, делил с солдатами все тяготы военной жизни...»

*Кто теперь вождь наш, кто богатырь?
Сильный где храбрый, быстрый Суворов?*

Когда был найден образ, нашлись и слова, те, единственные, которые он мог и хотел сказать своему старшему другу...

* * *

Император Павел Петрович ненадолго задержался на троне. В 1801 году, повторив судьбу своего отца, он погиб в собственной опочивальне от рук заговорщиков. Государь получил удар висок золотой табакеркой, а потом его задушили офицерским шарфом. Причиной смерти был объявлен апоплексический удар, и тут же появилась мрачная шутка: «Павел Петрович скончался от апоплексического удара в висок!»

В кулуарах шептались, что нити заговора тянутся в Англию и что к убийству также причастен сын императора, Александр Павлович. Доказать это было невозможно, но вид дрожащего от страха наследника говорил сам за себя. Никто из придворных не пролил ни одной слезы, напротив, все поздравляли друг друга. По такому случаю был даже устроен фейерверк, на который петербуржцы явились во фраках, жилетах и прочих запрещенных нарядах. Тирана больше нет!

Даже обычно сдержанный во всем, что касалось смерти, Державин написал о почившем царе отнюдь не скорбные строки:

*Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взгляд.*

Князь Норд (Север) – это был псевдоним цесаревича, под которым он в молодости инкогнито путешествовал по Европе. Спустя два столетия историки изменят мнение о Павле I и назовут его самым оболганным императором России, но в то время насильственная смерть Павла не вызвала сочувствия ни при дворе, ни в народе.

Один лишь Александр Павлович беспрерывно рыдал и молился, пока, наконец, потерявший терпение цареубийца граф Пален не потрянул его бесцеремонно за плечо:

– Довольно ребячиться! Ступайте царствовать!

Молодой государь вытер слезы и вышел на балкон к ликующему народу. Все смолкли. «Ваше Величество, – шептал ему Пален, – скажите им что-нибудь... Не молчите! Ну, хоть рукой помашите, черт... простите, сорвалось!» Александр послушно поднял вялую руку и произнес самую короткую в истории инаугурационную речь:

– Всё будет как при бабушке!

* * *

Но ушедшее время не возвращается... И жизнь «как при бабушке» не получилась. Поначалу Державину казалось, что новый монарх наконец оценил его многолетний опыт государственной деятельности: его назначили министром юстиции – так высоко он еще не взлетал! Гаврила Романович тут же ринулся на борьбу с беззаконием, перессорился с чиновниками своего министерства и замучил императора рапортами и предложениями по реформированию российской юриспруденции. Государь был вынужден спросить, не пора ли великому поэту отдохнуть от тяжких трудов? Быть может, занимаясь стихотворчеством, он мог бы принести Отечеству больше пользы?

– Ваше величество, в чем я провинился? – напрямую спросил Державин и услышал холодный ответ: – Слишком ревностно ты служишь!

Не сказав ни слова в оправдание, Гавриил Романович уехал в Званку и стал жить там с женой почти безвыездно.

Сбылась его мечта: уютный просторный дом наполнили детские голоса. После смерти своего сослуживца, Петра Лазарева, Державин воспитывал троих его сыновей, юных гардемарин, один из которых, Михаил, впоследствии стал открывателем Антарктиды. Когда неожиданно во цвете лет ушли из жизни Мария и Николай Львовы, Державин оформил попечительство над своими осиротевшими племянницами – Лизой, Верой и Прасковьей. Московский кузен Иван Блудов, снова попавшись на шулерстве, не избежал острога. А с Митей Неклюдовым и его женой Ниной Державину так и не довелось встретиться...

Званка ласково приняла стареющего поэта. Здесь, среди зеленых дубрав, на берегу реки Волхов, окруженный любящими людьми, он весь отдался любимому делу – сочинению стихов.

– Дядя, – взбираясь к нему на колени с книжкой, щебетала его любимица, маленькая Прасковья, – у вас тут слово непонятное...

– Какое, Пашенька?

– Да вот! – ее крошечный пальчик уперся в строчку, и она прочитала по складам: «ро-ди-на».

Державин тоже взглянул и улыбнулся. Это было стихотворение «Арфа», которое он написал года три назад, слушая игру Милены. Арфа неожиданно навеяла ему воспоминания о детстве, о родной Казани, и появились стихи:

*Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое...*

– Родина – это родная страна. То же, что и отчизна, отечество...

– Очень хорошее слово, – серьезно сказала Паша.

Державин поцеловал ее душистую макушку. Он, конечно, не мог знать, что придуманное им слово «родина» станет для русского языка таким необходимым и привычным, словно оно существовало всегда. Его будут произносить чаще, чем «отечество», и никому даже в голову не придет, что до Державина его не было.

Между тем над его Родиной нависла опасность: 12 июня 1812 года полчища Наполеона двинулись на Россию...

Легко покоривший полмира «маленький капрал», как его любовно называла французская Старая гвардия, предвкушал скорую победу над «колоссом на глиняных ногах». Но, к его неподдельному изумлению, презируемая им страна снегов и рабов, грязных лапотников и мякотельных либералов, воров и взяточников, тупых генералов и жирных вельмож, – вдруг разом объединилась в патриотическом порыве и грудью встала на свою защиту! Страна, армия которой состояла из неграмотных крепостных крестьян, мечтавших, как он полагал, только об одном – поскорее сдаться и вернуться домой к сохе, неожиданно стала вести изнуряющую затяжную войну: выматывала его легионы, заманивая в глубь необозримых просторов, искусно маневрировала, уходя от генерального сражения. Да, всё непонятно, тревожно... Что будет дальше?

Узнав о начале войны, Державин достал свой старый, слегка потраченный молью военный мундир и, натянув, с удовлетворением увидел, что он ему как раз впору. Кликнув кучера, велел класть лошадей и тотчас отправился к новгородскому губернатору Павлу Сумарокову – родному племяннику покойного поэта Александра Сумарокова. В отличие от знаменитого дяди, губернатор стихов не писал, но перед стихотворцами всегда испытывал неподдельный пиетет. Увидев Державина, он вскочил, всплеснул руками, стал суетиться, искать глазами приличное кресло и, не найдя достойного, попытался усадить в свое собственное.

– Нет уж, увольте, Павел Петрович! Губернаторским креслом вы меня не соблазните. Натерпелся! – усмехнулся Державин. – Я к вам по делу, как отставной гвардейский офицер. Чем могу быть полезен? Возможно, вам понадобится моя помощь в фортификации, в организации ополчения, в заготовках продовольствия и фуража?

– Ваше превосходительство! Искренне ценю ваш военный опыт, но разве я посмею отягощать

вас поручениями? И хотя вам, без сомнения, пристал военный мундир, вы давно не гвардейский поручик, а действительный тайный советник и великий поэт! К тому же, простите, тяжеленько вам будет разъезжать по деревням в поисках фуража. Вам, поди, уж семьдесят?

– Шестьдесят девять, – возразил Державин. – Но дело не в этом. Говорите прямо, в чем нуждаетесь?

Сумароков долго тянул паузу, потом признался, что получил предписание от военного министра выполнить всё, о чем говорил Державин, но столкнулся с некоторыми затруднениями...

– Народ у меня есть, и советников предостаточно, – вздохнул он, – а вот денег в казне маловато. Сам не ведаю, как управлюсь...

– Сколько нужно?

Губернатор, робея, назвал сумму. Державин ответил невозмутимо:

– Господин губернатор! К вечеру деньги будут вам доставлены. Монетами и ассигнациями... А коль не хватит, то и золотыми безделушками. Дарили мне кое-что правители наши за то, что стихи складно крапал... Разрешите удалиться?

Ошарашенный Сумароков облизнул пересохшие губы и машинально кивнул. А потом весь день пребывал в смятении: что это было? Сон или явь? Но не успело зайти солнце, как во двор губернаторской управы подкатил державинский тарантас с внушительным дубовым сундуком. Курьер из Званки огляделся по сторонам и, заметив возле дровяного сарая дюжего мужика в форме ополченца, зычно крикнул:

– Эй, братец, подсоби!

* * *

Денежной помощью Державин не ограничился. Всё время, пока сапоги супостата топтали родную землю, его кузнецы ковали пики, штыки и тесаки, крестьяне поставляли армии продовольствие и фураж, а добровольцы шли в партизанские отряды. Заботу о семьях, оставшихся без кормильца, взял на себя всё тот же неутомимый Державин.

По вечерам поэт трудился над лироэпической одой – «Гимн на прогнание французов из Отечества». Он начал ее в первые дни войны, ни на миг не сомневаясь, что враг будет повержен и изгнан из России. Даже когда Наполеон вошел в Москву, Державин писал о грядущей победе как о чем-то бесспорном.

Он сочинял по строгим правилам классицизма, с избытком аллегорий и старославянских слов – настоящим «высоким штилем». А как иначе можно было достойно воспеть величие подвига России, единственной страны, давшей отпор, казалось, не-

победимому врагу? Ода разрасталась по мере того, как разворачивались военные действия: оборонительные бои, великое Бородинское сражение, сакральная жертва русских – пылающая Москва и бесславное отступление французов...

В конце ноября, когда армия Наполеона была наконец отброшена за Неман, Державин поставил точку в своем произведении, потом долго шлифовал стихи и в начале января послал «Гимн» в Петербург, в журнал общества «Беседы любителей русского слова», учредителем которого был сам. Новая ода Державина была напечатана в середине 1813 года. Отзывы пришли восторженные, но малочисленные. Откликнулись только его сопредседатель Шишков да самые близкие друзья. Он терпеливо ждал... и дождался.

К тому времени в Москве развернули бурную деятельность поклонники творчества Николая Михайловича Карамзина, впоследствии объединившиеся в литературное общество «Арзамас», – писатели молодые, зубастые, острые на язык. Они в штывы приняли оду Державина, высмеяв ее старомодный стиль. Цитировали его стихи с единственной целью: показать, как не надо писать. «Русскому литературному языку нужна реформа!» – к такому выводу пришли карамзинисты, прочитав новое произведение поэта-патриарха.

Будь Державин не так стар, он бы поспорил с задиристыми «младореформаторами». Что они понимают? Пусть сами напишут хоть одно великое произведение, а потом уж поднимают свой пороссячий визг.

Но силы, отданные необъятному произведению, были на исходе. Поэт чувствовал непреодолимую усталость и в глубине души понимал, что заслуженно потерпел крах. Он окончательно убедился в своем провале, когда получил письмо из Москвы от своего давнего почитателя, Николая Звонарева, с одной-единственной фразой: «Так писать уже нельзя!»

Да, он прав... Наступало время новой литературы, но это уже не его время. Пусть приходят другие поэты и пишут по-новому, лучше, чем он... Измученный, опустошенный, Державин перестал сочинять стихи и целый год писал только мемуары. Но и проза не принесла ему ни успеха, ни душевного удовлетворения...

Глава 16 Наследник

В то утро занятия в классе профессора Кошанского начались чуть позже обычного.

Извинившись за опоздание, раскрасневшийся Николай Фёдорович обвёл сияющими глазами своих воспитанников. Он был самым молодым преподавателем Царскосельского лицея и всегда старался оживить занятия какой-нибудь выдумкой. Лицейсты любили его за то, что он пробуждал в них стремление к творчеству. Иногда, придя на урок, профессор говорил: «А теперь, господа, будем пробовать перья...» Но на этот раз Кошанский огорошил лицеистов сюрпризом:

– Господа! Имею честь сообщить новость, которую только что узнал на педагогическом совете. Переводной экзамен по русской словесности у нас будет принимать Гавриил Романович Державин!

На миг воцарилась тишина. Потом, словно опомнившись, все заговорили разом:

– Сам Державин?!

– Разве он ещё живой?

– А он нас не срежет? Боязно как-то...

Кошанский поднял руку, требуя тишины.

– Успокойтесь, друзья мои! Державин никого «резать» не собирается. Он посетит наш лицей с единственной целью: послушать молодых поэтов. Кого, по-вашему, можно ему представить?

– Тосю Дельвига!

– Кюхлю и Олосеньку!

– И Француза! – крикнул юный князь Горчаков, по прозвищу Франт, обернувшись к сидевшему позади Александру Пушкину.

Тот вспыхнул и отмахнулся от него обкусанным гусиным пером. Пушкину не нравилось прозвище «Француз», которым его с первых же дней наградили одноклассники-лицейсты. Разве он виноват, что в родительском доме с ним чаще говорили по-французски, чем по-русски?

– Не дуйся, топ аті... Французский – язык дипломатии! – спокойно промолвил Горчаков. – Но для Державина тебе непременно следует сочинить русскую оду. Причём высоким штилем!

Кошанский с сомнением покачал головой. Пушкин писал лёгкие стихи, но в «высоком штиле» юный поэт явно не преуспел...

Воспитанники обсуждали предстоящий экзамен. В лицее уроки проходили оживлённо. Преподаватели обходились без жёсткой муштры, а ученики не позволяли себе злого озорства. Так было заведено с самого начала, с незабываемого 19 октября 1811 года, с той пламенной речи профессора философии и права Александра

Петровича Куницына, которую он произнес в присутствии императорской семьи, почетных гостей и первых воспитанников: «Любовь к славе и отечеству должна быть вашими руководителями... Но при сих высоких добродетелях сохраните ту невинность, которая блистает на лицах ваших!»

Кошанский уважал Куницына, хотя и упрекал его за чрезмерное вольтерьянство и насаждение в лицее идей «естественного права». А Куницын с жаром доказывал, что естественное право дано человеку от рождения и никто не может его насаждать или отменять.

...Выждав паузу, Николай Фёдорович снова обратился к лицеистам:

– Господа, нет сомнения в том, что на экзамене свои стихи прочтёт барон Дельвиг. Слог его превосходен, он первым из лицеистов напечатался в «Вестнике Европы». Далее, я бы предложил выступить Илличевскому, Кюхельбекеру... и, пожалуй, Пушкину. Надеюсь, никто не желает оспаривать мой выбор?

Неожиданно поднял руку вертлявый Павел Мясоедов, которого лицеисты называли «Мясожоров» или просто «Мясо». Покойный директор лицея Василий Федорович Малиновский дал ему довольно нелестную характеристику: «Способности весьма ограничены, слабого понятия, слабой памяти, докучлив, пылок...» Лицеисты посмеивались над ним, но без зла.

– Почему в список поэтов всегда попадают одни и те же? – возмутился Мясоедов. – Я тоже хочу прочитать своё сочинение Державину! И нечего смеяться, господа! Вы не верите в мой талант?

– П-почему же? В-верим, – заикаясь, проронил долговязый Вильгельм Кюхельбекер.

Даже сидя за партой, он казался выше всех. Нелюдимый из-за тугоухости, но романтичный и ранимый Кюхля, бывало, становился мишенью для шуток и эпиграмм. Однажды первый остряк лицея Олосенька, то бишь Алексей Илличевский, нарисовал на него карикатуру, снабдив её надписью: «Вы знаете, что такое Бехелькюхериада? Это есть длиннейшая полоса земли, производящая торг мерзейшими стихами; у неё есть провинция «Глухое Ухо»...» и т.д. Не дочитав до конца, Вильгельм выбежал из лицея в парк и бросился в пруд. Но даже утопиться толком он не сумел: зацепился за корягу, застрял в тине, и вскоре его вытащили, мокрого, жалкого, нелепого... «Если ты ещё хоть раз позволишь себе подобные шуточки, – сказал Илличевскому бледный от гнева Пушкин, – я вызову тебя на дуэль!» Олосенька дурашливо съёжился, показывая, как ему страшно, но больше к Кюхле не приставал...

Дрожа от нетерпения, Мясоедов развернул листок со стихами.

– С вашего позволения, Николай Федорович, я прочту несколько строф!

– Извольте, любопытно будет послушать...

Новоявленный поэт гордо приосанился и объявил: «Ода на восход солнца!» И начал торжественно декламировать:

– Уж с запада грядёт румяный царь природы...

По рядам лицеистов прокатился дружный хохот. Опешив, чтец замолчал, в недоумении глядя то на товарищей, то на учителя, который тоже не мог удержаться от смеха.

– Что вас так развеселило, господа?

– Друг мой, – улыбаясь, промолвил Кошанский, – дело в том, что солнце встаёт на востоке. Хотя поэтам позволительно допускать некоторые вольности, но не до такой же степени...

– А мне нравится! – иронично заявил Илличевский. – Я бы продолжил так:

*Уж с запада грядёт румяный царь природы,
И удивлённые народы
Не знают, что же им начать...*

Он на миг замолчал, подыскивая слова.

– Ложиться спать или вставать! – закончил строфу Пушкин.

Лицеисты снова рассмеялись и стали аплодировать экспромту. А рассудительный Иван Пущин, по прозвищу Большой Жанно, заключил, прервав общее веселье:

– Не обижайся, Мясоедов... Ты сам ответил на свой вопрос – почему тебя не включили в список стихотворцев! – он немного помедлил и решительно обратился к профессору. – Если вы хотите знать моё мнение, Николай Фёдорович, то первым нашим поэтом я считаю Пушкина!

* * *

Они подружились ещё на вступительных экзаменах. Их фамилии в списке стояли рядом, и комнаты тоже были рядом. Поначалу Пущин расстроился, узнав, что номер его ученической кельи – 13, но худенький, похожий на арапчонка Саша Пушкин, заметив его растерянность, весело сказал:

– Если хочешь, Жанно, давай меняться. У меня – четырнадцатый!

Чтобы не прослыть трусом, Пущин отказался наотрез, а вскоре и вовсе позабыл, что живет под «несчастливым номером».

В крохотных комнатах лицеистов было всё необходимое: узенькая кровать, комод, бюро, столик для умывания... Через лёгкие перегородки можно было свободно, не напрягая голоса, переговариваться хоть до глубокой ночи. Пущин был един-

ственным соседом Пушкина, у которого с другой стороны комнаты была глухая стена.

– Жанно, ты спишь? Скажи, зачем ты назвал меня первым поэтом? Пусть перед Державиным выступают любители высоких од! А у меня нет ничего, что могло бы ему понравиться.

– Он тоже баловался забавными куплетами. Помнишь?

*Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках...*

Пушкин подхватил:

*– Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях...*

– Сам Державин доказал, что сочинять можно в любом роде поэзии! – назидательно заметил Пуштин.

– Ты прав... Но всё же он не песенками прославился, а одами: «К Фелице», «Бог», «Водопад»... Знаешь, Жанно, я хотел бы сочинить стихи столь же великие, но по-своему! Без громоздких строчек и старославянских слов, так, чтобы всем было понятно – и мудрецам, и гусарам, и поэтам, и простою люду...

– Уверен, что ты напишешь именно такие стихи!

* * *

Снег нежно хрустел под ногами. Пушкин шёл по аллею Екатерининского парка, поглядывая на заиндевшие деревянные домики, где до весны будут жить его любимые античные герои. Мысленным взором он видел их словно наяву, – своих «белых кумиров»! Всех знал по именам, воспевал в стихах. Именно здесь, в садах лицея, ему впервые стала являться Муза. Где ещё он мог сочинять так уповательно легко?

Здесь крепла и мужала его детская душа. Он гордился колоннами иobeliskами, возведенными в честь победы над турками: ведь это его предок, морской артиллерист Иван Ганнибал, сжег турецкие корабли и взял крепость Наварин...

Здесь слышал он тревожные отзвуки грозы 1812 года. Мимо лицея суровым строем шли полки на войну с Наполеоном, а лицеисты провожали их. При звуках барабана и трубы мальчики выбегали из класса, кричали слова приветствия, молились, обнимали родных и знакомых. А вечером после занятий собирались в «журнальной комнате», читали свежие газеты, обсуждали воинские

подвиги. Профессора приходили к своим воспитанникам и объясняли ход войны, разговаривая с ними как со взрослыми, ничего не приукрашивая, ничего не скрывая. Вместе с русскими воинами лицеисты мысленно обороняли Смоленск, сражались в Бородинском бою, шли под пулями по неокрепшему льду Березины... Всё это было свежо в памяти и просилось воплотиться в стихи. И Пушкин теперь знал, о чём напишет в своей оде: об этом парке, ставшем ему родным, о славе своего Отечества, о героических сражениях прошлого и нынешнего времени.

И назовёт он своё сочинение так: «Воспоминания в Царском Селе».

* * *

Утром 8 января в актовом зале лицея было нарядно и празднично. Паркетный пол сверкал, в огромные окна лился солнечный свет, посредине стоял длинный стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. Вдоль стен были расставлены кресла для почётных гостей – столичной знати, важных чиновников и генералов. Все ждали приезда Державина.

Лицеисты сбежались вниз, к парадной двери, боясь упустить любую мелочь. Пухленький близорукий Дельвиг пробрался вперёд и, потеснив долговязого Кюхлю, стал рядом с Пушкиным.

– Мне непременно надо быть поближе к Державину, – объяснил он, волнуясь. – Я решил подойти к нему и поцеловать его божественную руку, написавшую «Водопад»!

– Правую или левую? Может, он левша?

– Ты невыносим!

В этот момент входные двери распахнулись, в прѐм ворвался свежий морозный воздух, а вместе с ним – припорошённые снегом гости, среди которых лицеисты по многочисленным портретам узнали Гавриила Романовича Державина! Лакеи сутились возле него, обмахивая щѐтками снег с плисовых сапог, принимая шубу и брововую шапку.

Державин был в старомодном екатерининском парике и в красном мундире тайного советника, увешанном орденами. Он раскланялся с министром просвещения и профессорами, а потом весело поздоровался с лицеистами, которые буквально пожирали его восхищенными глазами. «Как царя встречают! – подумал Державин. – А цари-то тоже люди, не небожители...» Он вспомнил, как однажды в молодости стоял в карауле и к нему вдруг подошел император Петр Федорович, обратившись с простым естественным вопросом. Державин усмехнулся, жестом подозвал швейцара и запросто спросил:

– Где тут у вас нужник, братец?

В устах «божества» этот вопрос прозвучал так простодушно, что общее напряжение и робость мгновенно пропали, всем стало легко. Когда лакеи бережно увели старика, Пушкин насмешливо спросил:

– Что же ты, Тося, не поцеловал ему руку?

– Не знал, какую – правую или левую! – парировал Дельвиг.

Лицеистов пригласили в зал, уже полностью заполненный гостями и родственниками воспитанников. Профессора заняли места за экзаменационным столом, а когда появился Державин, публика взорвалась аплодисментами, на что поэт ответил лёгким поклоном и сел на отведённое ему место, рядом с Разумовским. Устроившись в уютном кресле, старик тут же прикрыл глаза. Полковник Фролов бросил вопросительный взгляд на министра, и тот, пожав плечами, дал знак начинать экзамен.

Один за другим выходили лицеисты и читали стихи Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова... Разумеется, звучали и творения Державина: их разбирали, цитировали, ими восхищались. Патриарх выглядел усталым, видно было, что экзамен его утомил. Затем настала очередь лицейских поэтов. Гость сразу очнулся и внимательно выслушал Дельвига, Илличевского и Кюхельбекера. Всем он дал благосклонный отзыв, глаза его оживленно заблестели. Последним вызвали Александра Пушкина.

Он вышел на середину зала и, остановившись в двух шагах от Державина, попросил позволения начать. Поэт кивнул и оглядел хрупкую фигурку смуглого кудрявого юноши. «Арапчонок!» – мелькнуло в голове, и больше он ни о чём не успел подумать...

Ему вдруг почудилось, что в зале зазвучала музыка. В одно мгновение она наполнила всё его существо... Она опьяняла и оживляла одновременно. Музыка исходила из уст этого мальчика, читающего стихи, лучше которых Державин никогда ничего не слышал. Старческие глаза его широко раскрылись, он невольно привстал, приложив ладонь к уху, весь подавшись вперёд. Жадно ловил он каждое слово льющихся к нему удивительных стихов, в которых явственно слышались отзвуки великой поэзии прошлого, но в то же время раздавался новый, неведомый голос.

Страшишь, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны,

Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,

Сердца их мщеньем сожжены.

Весь зал, уставший от трехчасового экзамена,

словно пробудился ото сна, внимая необыкновенному отроку. А когда он смолк, воцарилась звенящая тишина. Все боялись пошевелиться...

– Я не умер! – воскликнул Державин, протягивая через стол дрожащие руки. – Вот кто заменит меня!

Увидев слёзы восторга на его морщинистом лице, Пушкин вдруг тоже разрыдался и в волнении выбежал из зала.

– Верните его! – требовал старый поэт. – Я хочу его обнять!

– Немедленно разыскать! – приказал полковник Фролов.

– За ним уже послали, сейчас приведут! – заверили его профессора.

Но в тот день Пушкина так и не нашли. В одном мундире он убежал в зимний сад и, не чувствуя холода, бродил по дальним аллеям, пока не успокоилось его бешено стучащее сердце...

* * *

Прошел год после незабываемого экзамена в лицее. Державин еще больше подряхлел, но был душевно спокоен. На закате своих дней он успел увидеть юного гения, которому мог с чистым сердцем передать лиру перед своим уходом. «Вот он, мой наследник! – с гордостью думал поэт. – Он пойдет дальше меня...»

Хотя ода Пушкина, прочитанная на экзамене, соответствовала всем канонам классицизма, Державин знал, душой чувствовал, что этот гениальный мальчик скоро будет сочинять по-новому, совсем не так, как в минувшем XVIII веке...

«Мои стихи рано или поздно канут в забвение. Что останется от меня? Быть может, только имя...»

Смерти Державин не боялся. В своих грехах он давно уже покаялся и смиренно ждал конца. В эти дни он был особенно ласков с женой, называл её Миленой, а себя – Руином. Даша, смеясь, закрывала ему рот ладошкой и грозила пальцем.

Утром 8 июля 1816 года лил дождь, но после обеда распогодилось, лучи солнца пробились из-за туч. Заботливо укрытый Дашей клетчатым пледом, Державин сидел у открытого окна в любимом кресле, глядя, как ласточки высоко парят над землей.

– К хорошей погоде! – улыбнулась Дарья, взглянув на небо.

Гавриил Романович вдруг встрепенулся и попросил принести аспидную доску и мелок.

Она удивилась и обрадовалась, потому что муж уже давно не сочинял стихов. Живо метнулась к письменному столу, немедленно подала всё, что

он требовал, а потом на цыпочках вышла из кабинета, прикрыв дверь неплотно, чтобы услышать его колокольчик.

«Поэту следует творить, не помышляя о бессмертии, – мысленно говорил сам с собой Державин, проверяя, хорошо ли заточен мел. – Я жил в свое время, падал и вставал в свой век. И не мне судить, чего я достоин. Есть Бог, который каждому воздаст по делам его...»

Некоторое время Державин наблюдал за полетом ласточек. Вдруг одна из них, трепеща крыльями, влетела через окно в его кабинет и, сделав круг, снова воспарила в небо.

– Пленира... – прошептал он. – Ты за мной? Потерпи, я скоро!

Устроив на коленях доску, Державин стал что-то записывать на ней мелом. То и дело стирая слова, надолго задумывался, писал снова. Время летело незаметно...

Гавриил Романович долго не звонил, увлеченный работой, а Даша не смела его беспокоить. Наконец она робко вошла в кабинет и увидела, что Ганя тихо спит в своем любимом кресле. От его легкого дыхания чуть дрожала ниточка, распутившаяся на ленте ночного колпака, на аспидной доске были начертаны какие-то стихи. Мелок упал на пол.

Дарья осторожно взяла доску и, подойдя к освещенному вечерней зарей окну, стала читать:

*Река времён в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Сердце Даши сжалось. Ледяной тоской повеяло от этого стихотворения. Она оглянулась на спящего Державина. Ей очень хотелось разбудить его и сказать, что он неправ. Земная жизнь не исчезает бесследно, а продолжается в памяти потомков. И чем больше добрых дел совершил человек, тем дольше будут его помнить и чтить. Она еще раз перечитала стихотворение и вдруг, осененная догадкой, сложила вместе первые буквы каждой строки: «РУИНА ЧТИ!»

Слезы навернулись у нее на глазах. Подойдя к мужу, она нагнулась над ним, чтобы поцеловать. И в тот миг увидела, что ниточка на его ночном колпаке уже не трепещет...

2021 г. Краснодар

Людмила Дмитриевна БИРЮК

родилась в Ростове-на-Дону в 1946 году.

Ныне живет в Краснодаре.

*Окончила Краснодарский педагогический институт,
факультет «Русский язык и литература».*

Прозаик,

член СП России с 2004 года.

Пишет исторические и историко-приключенческие романы.

Три из них напечатаны в Москве

в издательстве «Вече»: «Бретёр и дуэлянт» (2010 г.),

«Созвездие капитана Измайлова» (2011),

«Карнавал обреченных» (2014 г.).

Новый роман «Река времен» не издавался.

